

ДОКЛАД

№ 59 / 2020

Кризис миропорядка и глобальный Юг

Российский совет
по международным
делам

Андрей Кортунов

РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ

МОСКВА 2020

УДК [323/328-044.372+338.124.](100)»2020»

ББК 66.2(0),133.1»2020»+65.5(0)-971

К69

Российский совет по международным делам

Автор:

канд. ист. наук **А.В. КОРТУНОВ**

Выпускающие редакторы:

канд. полит. наук **Т.С. БОГДАСАРОВА; О.А. ПЫЛОВА**

К69 **Кортунов А.В.**

Кризис миропорядка и глобальный Юг: Доклад Российского совета по международным делам (РСМД). Доклад № 59/2020 /А.В. Кортунов; Российский совет по международным делам (РСМД). — М.: НП РСМД, 2020. — 48 с. — Авт. и ред. указаны на обороте тит.л.

ISBN 978-5-6044164-9-5

Начавшийся в первые месяцы 2020 г. глобальный кризис охватил все государства мира. Кризис носит системный характер и включает сразу несколько дестабилизирующих факторов международной жизни: распространение пандемии коронавируса, резкое падение цен на нефть, начало циклической рецессии, ухудшение военно-политической обстановки во многих регионах планеты, фактический развал системы контроля над вооружениями и обострение американо-китайской конфронтации.

В данной работе автор анализирует воздействие кризиса на обширные регионы мира, которые условно обозначаются как «глобальный Юг». Под «глобальным Югом» автор подразумевает страны Азии, Африки и Латинской Америки, относящиеся к «третьему миру» в отличие от развитых стран Запада и социалистических стран Европы, Азии и Кубы.

В трех разделах доклада автор суммирует последствия кризиса 2020 г. для стран глобального Юга: анализирует наметившиеся тренды развития ситуации в контексте кризиса; делает попытку выделить наиболее существенные вызовы и угрозы кризиса; суммирует предложения по минимизации негативных последствий кризиса, с особым акцентом на возможную роль России.

Высказанные в докладе мнения отражают исключительно личные взгляды и исследовательские позиции авторов и могут не совпадать с точкой зрения Некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам».

Полный текст доклада опубликован на интернет-портале РСМД. Вы можете скачать его и оставить свой комментарий к материалу по прямой ссылке – russiancouncil.ru/report59

Содержание

Введение	4
Тенденции	8
Пандемия на глобальном Юге	8
Структурный кризис мировой экономики	11
Падение цен на нефть	14
Проблемы	18
Последствия «регионализации»	18
Социальная поляризация и нестабильность	21
Угрозы политического радикализма	24
Наступление авторитаризма	27
Риски обострения региональных конфликтов	30
Решения	33
Устойчивое развитие и политическая стабильность	33
«Большая сделка» с глобальным Севером	37
Роль России	41
Послесловие	45
Об авторе	47

Введение

2020 год стал временем тяжелых испытаний для всего мира, одним из тех исторических рубежей, которые отделяют старую эпоху от новой. Наверное, нет такой страны, такого общества и такого сектора глобальной экономики, которые не были бы так или иначе затронуты драматическими событиями последних нескольких месяцев. Сегодня бессмысленно спорить о том, будет или не будет мир иным, пройдя через драматический 2020 год, — мир уже стал иным, хотя до конца нынешних потрясений пока еще очень далеко.

Текущий кризис уникален тем, что он представляет собой сочетание целого набора важных, преимущественно дестабилизирующих явлений международной жизни — распространения пандемии коронавируса, резкого падения цен на нефть, начала циклической рецессии, ухудшения военно-политической обстановки в ряде ключевых регионов планеты, фактического развала системы контроля над вооружениями, обострения американо-китайской конфронтации и т. д. Каждое из этих явлений имеет свою историю, свою логику и свою динамику. Но отделить влияние на международную систему какого-то одного фактора от влияния других факторов не всегда просто, а в некоторых случаях — вообще невозможно. Когда мы говорим о мире «после коронавируса» или о мире «после рецессии», мы так или иначе подразумеваем мир после глобального системного кризиса, начавшегося в первые месяцы 2020 г. Вполне вероятно, что мы пока находимся даже не в середине, а в начале этого кризиса, и едва ли кто-нибудь сегодня возьмется определить время его завершения.

Нынешний кризис можно обозначить как системный с большим на то основанием, чем любой из прошедших кризисов нынешнего столетия, поскольку он затронул максимально широкий набор параметров современной международной системы, вобрав в себя эпидемиологическое, экономическое, политическое, военно-стратегическое и даже цивилизационное измерения мировой политики. В этом смысле он является более значимым событием, чем, например, террористические акты в США 11 сентября (2001 г.), всемирный финансовый кризис (2008–2009 гг.) или «арабская весна» (2010–2011 гг.).

Даже если ограничиться лишь экономическими аспектами разворачивающихся сегодня событий, то приходится констатировать, что человечество вошло в стадию структурной экономической перестройки, подобной структурным сдвигам 30-х или 70-х гг. прошлого века. Поэтому о «восстановлении» мировой экономики после кризиса в строгом смысле этого слова говорить нельзя — мировая экономика уже никогда не вернется в ту точку, в которой она была в январе 2020 г. Наверное, утверждение о пройденной «точке невозврата» справедливо и в отношении многих аспектов мировой политики.

Глобальные масштабы нынешнего кризиса ни у кого не вызывают сомнений. Однако очевидно и то, что проходящая болезненная трансформация

всемирного социума, получившая мощное ускорение в текущем году, будет иметь и уже имеет разные последствия для различных регионов мира. Как и всегда в подобные переломные моменты истории, мы увидим существенные коррекции в соотношении сил между игроками на региональном и на глобальном уровнях, новые вызовы и новые возможности для отдельных государств, сдвиги в привычном наборе инструментов внешнеполитической мощи и т. д. В данной работе автор попытался обозначить вероятное воздействие кризиса на обширные регионы мира, которые можно условно обозначить как «глобальный Юг».

В современной теории международных отношений нет четкого определения того, какие страны следует относить к «глобальному Югу». Одним из основных дискуссионных вопросов остается принципиальный вопрос о том, следует ли включать в это понятие Китай. По понятным причинам, руководство КНР обычно ассоциирует свою страну именно с Югом, неявно претендуя на лидирующую роль Пекина в этой многочисленной группе стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Однако, на наш взгляд, по целому ряду фундаментальных экономических, социальных, демографических и иных характеристик отнести КНР в «глобальный Юг» на пороге третьего десятилетия XXI века было бы не вполне корректно. Исторически Китай вышел из «глобального Юга» подобно тому, как Соединенные Штаты вышли из Европы. Но сегодня США уже нельзя воспринимать как простое географическое продолжение Европы. Точно так же и Китай нельзя воспринимать как еще одну, пусть и очень большую страну глобального Юга; Китай слишком сильно отличается даже от таких гигантов развивающегося мира как Индия или Бразилия¹.

В представленном докладе РСМД под «глобальным Югом» автор подразумевал те страны Азии, Африки и Латинской Америки, которых раньше международники относили к «третьему миру», то есть не входившие ни в «первый мир» (развитые страны Запада), ни во «второй мир» (социалистические страны Европы, Азии и Куба). При всем разнообразии стран, относящихся к глобальному Югу, они обладают целым рядом особенностей, отличающих их от стран, входящих в глобальный Север.

Если отделить Китай от стран глобального Юга и рассматривать вероятные последствия общемирового системного кризиса не по оси «Запад — не Запад», а по оси «Север — Юг», то привычные представления о фундаментальных трендах в мировой политике и экономике после кризиса неизбежно начинают меняться. Выясняется, что кризис не ускоряет, а скорее замедляет перераспределение сил и ресурсов от мирового центра (Севера) к мировой периферии (Югу) и усиливает, а не ослабляет зависимость периферии от

¹ О принципиальных отличиях Китая от Индии и Бразилии наглядно свидетельствует нынешнее состояние эпидемиологической обстановки в трех странах. Китай оказался первой страной распространения COVID-19; в Индию и Бразилию пандемия пришла на четыре месяца позже, дав время на подготовку к противостоянию с коронавирусом. Тем не менее, по данным на 7 июня 2020 г. число инфицированных в Китае (83 036) было в три раза меньше, чем в Индии (248 211) и в восемь раз меньше, чем в Бразилии (676 494). В ближайшее время этот разрыв, без сомнения, будет только увеличиваться.

центра. Именно Юг, а не Север оказывается особенно уязвимым по отношению к неизбежным сдвигам в международной системе, именно на Юге будут находиться основные источники глобальной нестабильности посткризисного мира. Соответственно, нуждаются в коррекциях или, как минимум, в новом обосновании многие распространенные представления о наступлении эпохи многополюсного (полицентричного) мира, о «пост-западном этапе» в мировой политике и пр.

Для Юга кризис 2020 г. имеет несколько взаимосвязанных измерений. К числу основных следует отнести пандемию коронавируса, глобальную экономическую рецессию и резкое снижение мировых цен на углеводородное сырье и другие сырьевые товары, традиционно составлявшие основу экспорта многих стран глобального Юга. Сопутствующими факторами стало обострение конфликтных ситуаций на Ближнем Востоке (Сирия), в Северной Африке (Ливия), в Латинской Америке (Венесуэла) и в некоторых других точках глобального Юга. Обострение геополитического и экономического противостояния между США и Китаем может дать странам Юга некоторые дополнительные тактические возможности, но в целом будет иметь для этих стран больше негативных, чем позитивных последствий, превращая их из субъектов мировой политики в объекты манипуляции со стороны сверхдержав.

Структурно работа состоит из трех разделов. В первом (Тенденции) предпринимается попытка суммировать уже проявившиеся последствия кризиса 2020 г. для стран глобального Юга на середину года, а также уже наметившиеся устойчивые тренды развития ситуации на глобальном Юге в контексте кризиса. Во втором (Проблемы) автор попытался выделить наиболее существенные вызовы и угрозы глобальному Югу, связанные с кризисом, но выходящие за его вероятные временные рамки. В третьем (Решения) суммируются предложения по минимизации негативных последствий кризиса, с особым акцентом на возможную роль России.

Предварительный анализ ближайших и среднесрочных последствий системного кризиса для глобального Юга позволяет сделать несколько предположений:

Выход глобального Юга из кризиса будет более сложным и медленным по сравнению с глобальным Севером; соответственно, общее соотношение сил между Севером и Югом будет меняться в пользу первого (при том, что вполне возможны отдельные исключения в виде успешного преодоления последствий кризиса теми или иными развивающимися странами);

Системный кризис усилит многочисленные негативные тенденции, действовавшие на глобальном Юге в предыдущий период; он способен оказаться катализатором множества новых политических, экономических и социальных кризисов национального и регионального уровня; многие латентные хронические проблемы, существовавшие на Юге до 2020 г., способны перейти в острую форму;

Заинтересованность Севера в развитии Юга в среднесрочной перспективе в целом будет снижаться; большинство стран глобальной периферии окажутся частично или даже полностью исключенными из новой системы экономических и технологических цепочек, складывающейся в посткризисном мире;

На Севере глобальный Юг будет восприниматься в большей степени как проблема, чем как возможность; при этом объем ресурсов, которые Север будет готов предоставить Югу в виде программ технической и гуманитарной помощи, торговых преференций, льготных критиков и т. д. будет сокращаться, а не расти;

Нынешние межгосударственные и гражданские вооруженные конфликты на глобальном Юге в своем большинстве не будут разрешены, вероятно их продолжение в той или иной форме с периодическими обострениями и временными периодами снижения интенсивности;

При этом нельзя полностью исключать возможности мощного экономического и социального рывка глобального Юга, значительных успехов в переходе к новому технологическому укладу, социальной стабильности и модернизации государственных институтов; вероятность оптимистического сценария зависит от целого набора внутренних и внешних независимых переменных;

Важнейшей задачей глобального Юга в посткризисный период станет выход на траекторию устойчивого социально-экономического развития при наличии приемлемого уровня международной стабильности; это потребует от стран Юга долгосрочных и болезненных мер по переходу на новый технологический уклад;

Успешная социально-экономическая модернизация стран Юга невозможна без реформы международной экономической системы и составляющих ее институтов; необходима новая «Большая сделка» между Севером и Югом;

Роль России в трансформации глобального Юга неизбежно будет ограниченной, но не обязательно маргинальной; по всей вероятности, эта роль окажется более заметной в сфере безопасности, чем в сфере развития;

В более отдаленном будущем стратегической задачей станет преодоление цивилизационного разрыва между глобальным Севером и Югом; необходимым условием решения этой задачи будет выход международной системы на принципиально новый, более высокий уровень глобального управления.

Тенденции

Пандемия на глобальном Юге

Пандемия коронавируса затронула глобальный Юг позднее, чем глобальный Север. Не вполне ясно, почему коронавирус в марте – апреле 2020 г. в целом обходил стороной развивающийся мир (за исключением быстро превратившегося в крупный очаг инфекции Ирана). Одни эксперты предполагали, что коронавирус не любит высоких температур. Другие считали, что дело в более низком уровне включенности большинства слаборазвитых государств в международные экономические, гуманитарные, туристические, образовательные и иные цепочки, связанные с перемещением большого количества людей через национальные границы. Третьи обращали внимание на возрастную асимметрию глобального Севера и Юга — на Юге просто нет такой концентрации пожилых людей, которая присутствует на Севере, а именно эта возрастная категория наиболее уязвима по отношению к коронавирусу. Четвертые искали объяснение в дефиците или в полном отсутствии надежных тестов на вирус во многих странах глобального Юга. Пятые искали причины относительной устойчивости многих развивающихся стран к распространению коронавируса на генетическом уровне².

Тем не менее уже в мае 2020 г. стало ясно, что речь идет именно об отставании, а не о каком-то иммунитете глобального Юга. К началу июня пандемия накрыла Южную Азию: число зараженных на 7 июня в Индии составило 248 211 человек, в Иране — 171 789, в Пакистане — 98 943, в Бангладеш — 65 769. Еще более тревожную динамику продемонстрировала Латинская Америка: Бразилии — 678 494, Перу — 191 758, Чили — 127 745, Мексика — 113 619. С некоторым отрывом от лидирующих регионов пандемия распространялась на Ближнем Востоке: в Турции на 7 июня насчитывалось 169 218 инфицированных, в Саудовской Аравии — 101 914, в Катаре — 68 790, в ОАЭ — 38 808. Единственным регионом, оставшемся на периферии пандемии COVID-19, оказалась Африка, где явными лидерами по числу инфицированных стали ЮАР — 45 973 человек и Египет — 32 612. При этом надо учитывать, что к середине 2020 г. в большинстве стран глобального Юга, по всей видимости, пандемия COVID-19 еще не вышла на пиковый уровень.

С точки зрения глобальной эпидемиологической ситуации возникновение крупных очагов пандемии на Юге означает необходимость пересмотра прежних прогнозов о масштабах заболевания, о длительности пандемии и о сопутствующих ей издержках. Сроки завершения всемирного эпидемиологического кризиса отодвигаются, как минимум, на несколько месяцев или даже на год, а предполагаемое количество жертв увеличивается не менее,

² Кортунов А.В., Цайзер Н.Г. Будущее Африки на фоне пандемии: два сценария / Рабочая тетрадь РСМД и Союза «Африканская деловая инициатива» №56, М., 2020, с. 7-8.
URL: <https://russiancouncil.ru/activity/workingpapers/budushchee-afriki-na-fone-pandemii-dva-stsenariya/>

чем вдвое, измеряясь уже семизначными цифрами³. Нельзя исключить и сценария, при котором следующим глобальным эпицентром COVID-19 окажется африканский континент, где борьба с коронавирусом будет особенно трудной и долгой. Чем более асинхронным в итоге окажется развитие пандемии на Юге и на Севере, чем больше будет отставание первого от второго, тем более длительным станет разрыв привычных экономических, политических, культурных, гуманитарных и прочих связей между двумя составными частями мирового сообщества.

Разумеется, особенно сложные задачи по предотвращению распространения пандемии возникают в точках, где возможности оказания оперативной гуманитарной помощи ограничены или вообще отсутствуют — в зонах конфликтов, в лагерях беженцев и перемещенных лиц, на территориях непризнанных государств и пр.⁴ К счастью, пока наиболее апокалиптические прогнозы распространения пандемии в этих точках не оправдались, но угроза такого развития событий по-прежнему присутствует. Кроме того, по мнению некоторых экспертов, широко распространившаяся в последние годы практика использования в региональных конфликтах иностранных наемников также может содействовать дальнейшему распространению инфекции и последующим гуманитарным катастрофам в конфликтных зонах⁵.

На данный момент существует большой веер прогнозов — от относительно оптимистических до более чем алармистских, касающихся распространения коронавируса на территории глобального Юга в ближайшей перспективе. В качестве иллюстрации алармистского подхода можно сослаться на исследование Международного комитета по беженцам (International Rescue Committee — IRC), в которых говорится об угрозах пандемии коронавируса для 34 «хрупких» государств и развивающихся государств, находящихся в зоне вооруженных конфликтов⁶. Эксперты IRC приходят к выводу, что в этих странах число инфицированных коронавирусом может составить от 500 млн до 1 млрд человек, а число летальных исходов — от 1,7 до 3,2 млн⁷. При этом IRC утверждает, что данные оценки не включают в себя смерти, причиной которых будут сопутствующие пандемии проблемы (например, массовый голод).

³ См.: Кортунов А.В. Глобальная победа над COVID-19: мы за ценой не постоим? // РСМД, 20.04.2020.
URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/globalnaya-pobeda-nad-covid-19-my-za-tsenoy-ne-postoim/>

⁴ Brown F.Z., Blanc J. . Coronavirus in Conflict Zones: A Sobering Landscape// the Carnegie Endowment for International Peace.14.04.2020.
URL: <https://carnegieendowment.org/2020/04/14/coronavirus-in-conflict-zones-sobering-landscape-pub-81518>

⁵ См.: Юшков М. Силы Сараджа увидели угрозу заражения Ливии коронавирусом из-за наемников // РБК. 24.03.2020.
URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/03/2020/5e79846f9a794712dbb6c963>

⁶ Афганистан, Бурунди, Бангладеш, Буркина Фасо, Чад, Камерун, ЦАР, Колумбия, Кот-д'Ивуар, Демократическая Республика Конго, Сальвадор, Эфиопия, Греция, Ирак, Иордания, Кения, Ливан, Либерия, Ливия, Мали, Мьянма, Нигер, Нигерия, Пакистан, Сьерра-Леоне, Сомали, Судан, Южный Судан, Сирия, Танзания, Таиланд, Уганда, Венесуэла, Йемен.

⁷ IRC: World risks up to 1 billion cases and 3.2 million deaths from COVID-19 across fragile countries// The International Rescue Committee. 28.04.2020.
URL: <https://www.rescue.org/press-release/irc-world-risks-1-billion-cases-and-32-million-deaths-covid-19-across-fragile>.

Даже если этот и подобные ему прогнозы считать политически мотивированным преувеличением, сегодня можно с уверенностью заключить, что глобальном Югу не удалось остаться в стороне от главных эпицентров пандемии коронавируса, и что именно на Юге борьба с пандемией окажется самой сложной и самой длительной. Положение будет особенно тяжелым в том случае, если в ближайшие месяцы не будет совершено решающего прорыва в создании, тестировании и производстве эффективной антивирусной вакцины, и, если пандемия приобретет сезонный характер. COVID-19 будет оказывать существенное негативное воздействие на экономические, социальные и политические процессы в странах Азии, Африки и Латинской Америки.

В частности, пандемия способна привести к усилению религиозного фундаментализма, политического экстремизма и международного терроризма, затрагивающих в первую очередь государства глобального Юга. В сочетании с резким снижением экономической активности, ростом безработицы и эрозией социальной инфраструктуры, разочарованием в традиционной политической повестке дня и дискредитацией государственных институтов пандемия создает практически идеальные условия для террористических группировок по привлечению новых членов⁸. Дополнительные возможности для этих группировок возникают в связи с тем, что пандемия заставляет членов международного сообщества фокусироваться на своих внутренних проблемах, и борьба с международным терроризмом временно теряет свое место в иерархии национальных приоритетов основных игроков мировой политики.

В свою очередь, фактор религиозного фундаментализма способен сам по себе стать катализатором распространения пандемии. Для многих фундаменталистов, эпидемии — наказание человечеству за его грехи в виде наступления давно обещанного Армагеддона, спасение праведников и смерть грешников зависит исключительно от божественной воли, вмешательство в которую не только бессмысленно, но и недопустимо⁹. Даже если речь и не идет о прямом противодействии современной медицине, игнорирование ее требований в ходе отправления религиозных церемоний может оказаться столь же пагубным для сдерживания распространения пандемии¹⁰.

Нынешний кризис станет очень жесткой проверкой на прочность весьма хрупких политических институтов в странах глобального Юга и может иметь своим следствием долгосрочное усиление авторитарных тенденций в их развитии. Некоторые тенденции такого рода уже присутствуют в политической практике многих развивающихся государств. Например, в Эфиопии, относительно мало затронутой пандемией и экономическим кризисом, уже

⁸ I. Kfir. A Perfect Storm for Recruitment: COVID-19 and Low Crude Oil Prices// European Eye on Radicalization. 4.05.2020. URL: <https://eeradicalization.com/a-perfect-storm-for-recruitment-covid-19-and-low-crude-oil-prices>

⁹ Ch. Littlewood. How Religiosity Hinders the Fight Against COVID-19// European Eye on Radicalization. 24.04.2020. URL: <https://eeradicalization.com/how-religiosity-hinders-the-fight-against-covid-19>

¹⁰ P. Aitken. Bangladesh funeral attracts 100000 people shattering coronavirus social distancing rules// Fox News. 19.04.2020. URL: <https://www.foxnews.com/world/100000-attend-bangladesh-funeral-shattering-social-distance-protocols>

в марте 2020 г. было принято решение отложить на неопределенный срок запланированные на август парламентские выборы. Примерно тогда же в Боливии были отложены на неопределенный срок планировавшиеся ранее на май 2020 г. президентские выборы. В Египте в апреле распространение коронавируса было использовано как главный аргумент, обосновывающий необходимость очередного продления чрезвычайного положения (хотя чрезвычайное положение сохраняется в Египте с апреля 2017 г.).

С другой стороны, в некоторых развивающихся государствах политические лидеры в период борьбы с коронавирусом особенно нуждаются в поддержке со стороны военных, поскольку армия остается одним из наиболее эффективных государственных институтов. Усиление военных может оказаться долгосрочным явлением, не ограниченным временем пандемии как таковой¹¹. При этом вопрос об эффективности военных как в противостоянии COVID-19, так и в управлении экономикой в условиях структурного кризиса остается открытым.

Таким образом, продолжающаяся пандемия коронавируса ставит перед странами Юга целый ряд вызовов, с которыми большинство этих стран еще не сталкивались. Отвечать на эти вызовы приходится в новых, существенно осложнившихся геэкономических условиях.

Структурный кризис мировой экономики

Весной 2020 г. мир вступил в очередную экономическую рецессию, которую большинство экспертов предсказывали уже давно, но ожидали только в 2021 г. или даже еще позже. До марта 2020 г. считалось, что самое худшее, что может произойти с мировой экономикой в текущем году — это некоторое ее замедление (с 3,5% в 2019 г. до 2,5–3%). Большие надежды связывались с достижением торгового соглашения США и КНР, которое должно было укрепить оптимизм инвесторов и содействовать устойчивому экономическому росту на протяжении года. Уже в марте стало очевидным, что оптимистические прогнозы далеки от реальности.

Глобальные рецессии, как показывает экономическая история, сильнее всего бьют по слабым и хрупким экономикам. Большинство стран глобального Юга в наибольшей степени зависят от четырех источников внешнего финансирования — (1) прямых и портфельных иностранных инвестиций, (2) денежных переводов трудовых мигрантов, (3) поступлений от въездного туризма и (4) программ помощи со стороны частных, государственных и международных доноров. Кризис нанес сильный удар по всем четырем источникам. К сожалению, на данный момент имеется не так много оснований надеяться на быстрое восстановление хотя бы одного из них.

Быстрее всего на новую ситуацию отреагировали финансовые рынки развивающихся стран: уже в марте 2020 г., задолго до прихода пандемии коро-

¹¹ Ch. Rininta Anindya. The Philippine and Indonesian Militaries' War on Covid-19, and what it Means for Reform// Pacific Forum. 15.04.2020. URL: <https://mailchi.mp/pacforum/pacnet-21-philippine-and-indonesian-militaries?e=fdcf0f1d08>

навируса на глобальный Юг, его рынки потеряли около 100 млрд долл.¹² Бегство капиталов с этих рынков продолжилось и дальше; падение частных портфельных инвестиций к концу года для отдельных развивающихся стран может достичь 80%, что, несомненно, создаст реальные угрозы для стабильности многих национальных финансовых систем¹³. Снижение объемов прямых иностранных инвестиций будет, скорее всего, менее резким, но и здесь вероятно сокращение к концу года на 35%.

По всем индикаторам, полное восстановление этих рынков в любом случае уже не произойдет в 2020 г. и, скорее всего, растянется на несколько лет. При наличии многочисленных факторов неопределенности, всегда сопутствующих кризису, для инвесторов главным приоритетом становится не доходность сделанных вложений, а их стабильность и надежность. Нарастание финансовых проблем в странах глобального Юга выглядит особенно примечательным на фоне того, что в целом — по крайней мере, на протяжении первой половины 2020 г. — мирового финансового кризиса удалось избежать. Финансовый центр современного мира и дальше будет поддерживать собственную относительную устойчивость в том числе и за счет повышенной волатильности финансовой периферии. Таким образом, глобальный Юг ждет не только медленное восстановление финансовых рынков, но и вероятная финансовая нестабильность.

Существенной проблемой, связанной как с пандемией коронавируса, так и с мировой рецессией, несомненно, стало закрытие границ стран Севера, в том числе и для трудовых мигрантов, прибывающих с Юга. Экономисты предсказывают глобальное сокращение переводов средств мигрантами из развитых в развивающиеся страны примерно на 20%, что означает потери в более чем 100 млрд долл. (падение с рекордного уровня в 554 млрд в прошлом году до 445 млрд в текущем году¹⁴). Напомним, что в прошлом году переводы трудовых мигрантов составили 8,9% ВВП развивающихся стран, впервые превысив объемы прямых иностранных инвестиций в эти страны.

Снижение международных миграционных потоков в направлении Юг — Север, вероятно, станет устойчивой тенденцией, которая сохранится и после завершения пандемии COVID-19 и циклической рецессии. Пандемия объективно содействует усилению позиций тех сил в Европе и в США, которые традиционно выступали за максимальное ужесточение миграционного

¹² apital Flows Report: Sudden Stop in Emerging Markets// Institute of International Finance. 09.04.2020.
URL: https://www.iif.com/Portals/0/Files/content2_IIF2020_April_CFR.pdf

¹³ В качестве примера можно сослаться на такую относительно благополучную страну как Египет. В отличие от втягивающихся в кризис Нигерии или Южной Африки, Египет при благоприятных условиях способен завершить 2020 г. экономическим ростом в 2–3,5% (по сравнению с плановым показателем в 5,6%). Однако бюджетный дефицит в 2020 г. составит не менее 7,8% ВВП, а национальный долг, уже превысивший 90% от ВВП, продолжит свой рост. Правительство страны обратилось в МВФ с просьбой пересмотреть условия выплаты займов на сумму 12 млрд долл. Egypt — Seizing a crisis// The Signal Room. 08.05.2020.
URL: <https://www.thesignalroom.com/egypt-seizing-a-crisis-1223326279-1693593525>

¹⁴ O. Canuto. Le coronavirus a plongé les pays en développement "en pleine tempête"// Center for macroeconomics & development. 05.05.2020.
URL: <https://www.cmacrodev.com/pour-otaviano-canuto-le-coronavirus-a-plonge-les-pays-en-developpement-en-pleine-tempete-inc-english-version>

законодательства; мигранты из любых стран теперь рассматриваются как потенциальные переносчики вируса. А в условиях перехода экономики Севера на новый технологический уклад потребность в дополнительных рабочих руках неизбежно снижается, в том числе и в тех сферах, которые традиционно привлекали трудовые ресурсы из стран глобального Юга.

С другой стороны, уже сегодня ясно, что текущий год окажется катастрофическим для мирового туризма. Всемирная туристическая организация ООН (UNWTO) оценивает сокращение туристических потоков на уровне 20–30%, что соответствует падению доходов от туристического сектора мировой экономики в 300–450 млрд долл. В 2019 г. объем этого сектора составлял примерно 1,5 трлн долл., из которых не менее 420 млрд долл. приходилось на развивающиеся страны. Соответственно, потери этих стран в 2020 г. составят около 100 млрд долл.¹⁵

Выдвижение на первый план глобальной повестки дня вопросов, так или иначе связанных с пандемией, неизбежно отодвигает на второй план традиционные приоритеты развивающихся стран, связанные с нерешенными задачами социально-экономической модернизации. Будет труднее удерживать эти приоритеты в центре внимания международных организаций, многосторонних институтов развития, национальных агентств технического содействия, государственных и частных благотворительных фондов. Совокупный уровень финансовых ресурсов, поступающих с богатого Севера на бедный Юг, в ближайшей перспективе, скорее, будет снижаться, чем повышаться, во время как объемы «бегства капиталов» с Юга на Север будут расти.

Упреждая такое развитие событий, Международный валютный фонд уже в середине марта 2020 г. принял решение об отсрочке с 1 мая платежей для 25 наиболее бедных стран на сумму более 1 млрд долл. примеру МВФ последовали и крупные кредиторы — государства из «Группы двадцати», согласовавшие аналогичные измерения в графике платежей для 76 беднейших стран на сумму 20 млрд долл. У руководства МВФ есть амбициозные планы по существенному увеличению капитала Фонда, чтобы МВФ располагал ликвидными ресурсами на случай быстрого распространения пандемии в странах глобального Юга.

Но, хотя эти планы и пользуется поддержкой в Европе, их практическое осуществление маловероятно из-за отрицательного отношения к ним со стороны США и Китая. Как в Вашингтоне, так и в Пекине полагают, что развивающиеся страны нуждаются не в списании долгов и не в финансовой накачке, а в конкретных инвестиционных проектах. Тем более, что предполагаемые потребности развивающихся стран оцениваются международными организациями (в том числе ЮНКТАД) даже не в сотни миллиардов, а в триллионы долларов. И в число нуждающихся включаются уже не только беднейшие регионы экваториальной Африки и Южной Азии, но и

¹⁵ Channels of transmission of coronavirus to developing economies from abroad// The Center for Macroeconomics and Development. 28.04.2020.
URL: <https://www.cmacredev.com/channels-of-transmission-of-coronavirus-to-developing-economies-from-abroad>

относительно благополучные страны Латинской Америки и Ближнего Востока. В случае неспособности глобального Юга достичь договоренности с кредиторами, мы можем быть свидетелями цепной реакции национальных дефолтов с непредсказуемыми последствиями для международной финансовой системы в целом.

Имеющиеся прогнозы относительно вероятных итогов 2020 г. для глобального Юга показывают, что даже страны, в наименьшей степени затронутые пандемией коронавируса, будут испытывать существенное снижение экономического роста по сравнению с «докризисными» прогнозами. Например, прогнозы Международного валютного фонда по экономическому росту Эфиопии на 2020 г. были снижены с 7,2% до 3,2%¹⁶ и, возможно, будут и дальше корректироваться в сторону снижения. Ожидания экономического роста в Египте также снизились с 5,6 до 2%¹⁷. Насколько можно судить, пересмотр прогнозов итогов текущего года станет особенно значительным в отношении Латинской Америки и Южной Азии¹⁸. Точно так же начинаются коррекции ожиданий на 2021 г. — преимущественно, в сторону понижения. Нельзя исключать возможности того, что некоторым ведущим экономикам глобального Юга в будущем году не удастся полностью отыграть потери текущего года, и устойчивый экономический подъем начнется позже, чем на Севере.

Падение цен на нефть

Для многих стран глобального Юга единственной устойчивой привязкой к мировой экономике на протяжении долгого времени оставался экспорт энергетических и иных сырьевых ресурсов. А потому падение спроса и цен на эти ресурсы неизбежно ставит экономику этих стран в крайне тяжелое положение. Конечно, сокращение глобального спроса на нефть почти на треть, наблюдавшееся весной 2020 г., не может быть долгим. Но и стабилизация мирового потребления нефти в 2020–2021 гг. на уровне, скажем, 90% от докризисных показателей будет означать крайне серьезные последствия для полумиллиарда граждан нефтедобывающих государств глобального Юга (Нигерия, Ангола, Мексика, Венесуэла, Иран, Ирак, Саудовская Аравия и др.). Тем более, что эти государства, как и другие традиционные экспортеры нефтепродуктов, будут испытывать на себе растущее давление со стороны производителей сланцевой нефти стран Севера, в первую очередь — со стороны компаний США, в той или иной мере поддерживаемых американским государством.

¹⁶ Ethiopia — Constitutional crisis// The Signal Room. 21.05.2020.
URL: <https://www.thesignalroom.com/ethiopia-constitutional-crisis-1776153041-399389585>

¹⁷ Egypt — Seizing a crisis// The Signal Room. 08.05.2020.
URL: <https://www.thesignalroom.com/egypt-seizing-a-crisis-1223326279-1693593525>

¹⁸ Если еще в конце марта эксперты предсказывали рост экономики Индии по итогам 2020 г. в пределах 1,5–2%, то уже в середине мая они предсказывали годовое падение ВВП страны на 5%, что означает самый глубокий кризис индийской экономики с 1979 г. S. Nagarajan. Goldman Sachs: India's economy will shrink 45% this quarter and suffer a brutal recession this year// Business Insider. 18.05.2020.
URL: <https://www.businessinsider.com/goldman-sachs-india-economy-recession-gdp-decline-45-percent-q2-2020-5>.

Характерно, что даже страны, создавшие в первом десятилетии нынешнего столетия значительную финансовую «подушку безопасности», могут столкнуться с трудноразрешимыми проблемами. Яркий пример представляют собой богатые арабские страны Залива, которые испытывали ощутимые финансовые трудности задолго до нынешнего коллапса цен на нефть. На протяжении пяти последних лет средние ежегодные расходы этих стран составляли 550 млрд долл., в то время как их доходы колебались от 400 до 500 млрд долл. (по сравнению с ежегодными поступлениями в 700 млрд долл. в 2012–2013 гг.¹⁹ Все эти годы в странах Залива сохранялась надежда на восстановление мировых цен на нефть до уровня, близкого к пиковым показателям 2008 и 2011–2013 гг. Сегодня таких надежд больше нет.

В нынешних условиях сокращение объемов «нефтяной ренты» приобретает гораздо более драматический характер, чем это было в 2014–2019 гг. Уже в текущем году это сокращение приведет к существенным бюджетным дефицитам, потребует от правительств беспрецедентных мер ужесточения финансовой дисциплины и радикального сокращения текущих социальных программ. В свою очередь, даже частичный отказ от социального патернализма и увеличение налоговой нагрузки на население способны привести к активизации протестных настроений и оппозиционных политических движений. Это в первую очередь относится к странам со значительным и быстро растущим населением (Нигерия, Иран, Мексика, Ирак и пр.), в которых возможности социального маневра весьма ограничены. Политическая стабильность во многих странах — экспортёрах углеводородов становится более хрупкой, чем она была когда-либо с начала текущего столетия.

Сокращение «нефтяной ренты» также создает дополнительные трудности в противодействии пандемии коронавируса²⁰, а пандемия повышает ожидания социальной поддержки со стороны населения. Вероятная коррекция цен на нефть до средних уровней в 40, 45 или даже 50 долл. за баррель при изменении структуры нефтяного рынка нельзя считать долгосрочным решением проблемы для большинства производителей из зоны развивающихся стран, поскольку их доля на рынке в любом случае будет существенно ниже показателей 2019 г. со всеми вытекающими отсюда последствиями для общих объемов «нефтяной ренты».

Одним из позитивных побочных эффектов сокращения «нефтяной ренты» может оказаться снижение возможностей богатых нефтяных стран глобального Юга осуществлять дорогостоящие вооруженные интервенции (интервенция Саудовской Аравии в Йемене) или финансировать одну из сторон в гражданских конфликтах (роль ОАЭ в Ливии). Однако, едва ли стоит рассчи-

¹⁹ K. Young. Saudi Arabia braces for economic impact// Al-Monitor. 06.05.2020.

URL: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2020/05/saudi-arabia-economy-oil-coronavirus-covid19-kuwait-jadaan.html>

²⁰ F. Neve. Saudi Arabia's Response to the COVID-19 Pandemic// King Faisal Center for Research and Islamic Studies. 27.05.2020.

URL: <https://www.kfcris.com/pdf/3b9a6e273be5ef319dcde52708bb677c5ece3bd589c1d.pdf>

тывать, что такого рода деятельность прекратится в обозримом будущем, пусть даже и в более скромных масштабах, чем это имеет место сегодня.

Для тех стран глобального Юга, которые являются импортерами, а не экспортерами углеводородного сырья, снижение цен на нефть и природный газ может иметь благоприятные последствия. Однако оборотной стороной снижения издержек на импорт неизбежно станет дальнейшее замедление развития альтернативной энергетики (возобновляемые источники, атомная энергетика), где глобальный Юг и так существенно отстает от Севера. Уже сейчас даже в относительно богатых странах Юга пересматривают или откладывают амбициозные проекты в этой сфере; отодвигаются на будущее и национальные программы повышения эффективности использования энергии.

Интересной иллюстрацией двойственного эффекта снижения глобальных цен на нефть для стран — импортеров энергоресурсов может служить Индия. Эта страна импортирует около 1,4 млрд баррелей нефти в год. Предыдущее резкое снижение цен на нефть со 110 до 60 долл. за баррель позволило Индии ежегодно экономить 75 млрд долл. Однако Индия одновременно является крупнейшим получателем финансовых средств от трудовых мигрантов — 79 млрд долл. в 2018 г. Основная часть этих поступлений приходит из богатых арабских стран Персидского залива, где работает 8 млн индийцев. Происходящее в 2020 г. падение цен на нефть неизбежно нанесет сильный удар по индийским трудовым мигрантам и резко сократит их финансовые переводы в Индию²¹.

В любом случае, масштабное развитие альтернативной энергетики потребует, как минимум, несколько лет настойчивых усилий, а также привлечения значительных внешних источников финансирования и передовых западных технологий. Кроме того, любая энергетическая диверсификация потребует постепенного отказа от государственных дотаций на углеводороды как для бизнеса, так и для населения. «Разгосударствление» энергетического сектора во многих странах глобального Юга окажется не просто болезненным, но и политически рискованным в условиях нынешней рецессии. Скорее всего, структурная перестройка энергетики Юга будет отложена, как минимум, на несколько лет, а «энергетический разрыв» между Севером и Югом не только не будет преодолен, но еще более расширится.

Вероятное снижение зависимости глобального Севера от энергетических и иных сырьевых ресурсов глобального Юга ослабит переговорные позиции Юга на многих международных площадках — не только экономических, но и политических. Север (точнее, США и КНР) во все большей степени сможет диктовать свои условия и свои правила игры на энергетических и сырьевых рынках. Политически это усилит позиции сторонников «ухода» из нестабильных регионов глобального Юга — например, сторонников «ухода» США из региона Ближнего Востока (тем более, что значимость ближнево-

²¹ Amit Bhandari. Good and bad of low oil prices // Gateway House. 19.03.2020.
URL: <https://www.gatewayhouse.in/low-oil-prices/>

сточного региона как рынка для американского оружия будет снижаться по мере вынужденных сокращений оборонных бюджетов стран региона). ОПЕК и подобные ей альянсы экспортеров сырьевых продуктов окажутся в очень сложном положении, а некоторые из них, скорее всего, прекратят свое существование.

Если частью адаптации к новой ситуации на энергетических рынках станет ускоренное строительство атомных электростанций на глобальном Юге, то это способно повысить риски глобального распространения ядерного оружия (особенно в условиях возможного фактического распада международного режима нераспространения ядерного оружия). С другой стороны, позитивным результатом долгосрочного падения спроса на ближневосточную или латиноамериканскую нефть может стать снижение стимулов для иностранного, в первую очередь, американского вмешательства в дела регионов, что позволит региональным игрокам взять на себя больше ответственности за свое будущее.

Конечно, на данный момент очень трудно с уверенностью предсказать вероятную динамику мировых цен на углеводороды даже на несколько месяцев вперед. Но представляется обоснованным предположить, что от превращения энергетического рынка в рынок потребителя выиграют в первую очередь самые крупные импортеры нефти и газа — страны Европы и Восточной Азии. Для других покупателей выигрыш будет менее существенным, а их роль в ценообразовании — менее активной. Можно также предположить, что происходящие сдвиги в мировой энергетике будут иметь своим следствием изменения региональных и континентальных балансов в зоне развивающихся стран — например, относительное усиление Эфиопии и ослабление Нигерии на африканском континенте, усиление Бразилии и Чили за счет Мексики и Венесуэлы в Латинской Америке и т.д.

Проблемы

Последствия «регионализации»

По широко распространенному мнению, одним из долгосрочных последствий нынешнего кризиса стает «регионализация» международной хозяйственной жизни, формирование частично закрытых интеграционных группировок на фоне эрозии глобальных институтов и принципов свободной торговли, символом которых остается Всемирная торговая организация. Если эти прогнозы верны, то для большинства развивающихся стран формирование собственного хозяйственного региона может оказаться непосильной задачей. «Полноценными» регионами в этом сценарии развития мировой экономики могут выступить Северная Америка (США, Канада, Мексика), Европа (Европейский союз и аффилированные с ним экономики небольших соседних стран) и Восточная Азия (в случае, если геополитические причины не приведут к резкому снижению экономической взаимозависимости между Китаем и такими торгово-экономическими партнерами Пекина как Япония, Южная Корея и Тайвань).

Значительно сложнее будет достичь уровня «полноценных» регионов тем группировкам стран, которые больше зависят от нерегиональных рынков и источников инвестиций (например, блок АСЕАН в Юго-Восточной Азии или Mercosur в Латинской Америке). Остальные регионы глобального Юга (Южная Азия, Ближний Восток, Африка) едва ли смогут создать «полноценные» региональные системы экономического сотрудничества, а потому им придется пытаться встроиться в группировки экономических лидеров на заведомо неблагоприятных для себя условиях²². «Регионализация» в большинстве случаев будет означать ухудшение условий международной торговли для глобального Юга, у которого часто отсутствуют «страховочные» механизмы в виде набора отдельных договоренностей со всеми основными участниками мировой торговли.

Сложность формирования «полноценных» экономических регионов усугубляется тем обстоятельством, что мир вступает в эпоху цифровой экономики, что радикально меняет правила игры на глобальных рынках. Процессы автоматизации и использования в производстве искусственного интеллекта создадут сложные проблемы для всех экономик мира, но процесс адаптации может оказаться более длительным и болезненным на Юге, чем на Севере. Проблема безработицы и так остро стоит перед большинством развивающихся стран, а автоматизация и сопутствующее ей «возвращение» части производственных мощностей на Севере, безусловно, приведет к увеличению масштабов проблемы и усилит поляризацию как между странами Юга, так и внутри отдельных стран.

²² Это не означает, что, например, проект создания Африканской зоны свободной торговли (AfCFTA) обречен на неудачу. Но превращение AfCFTA в полноценное интеграционное объединение континентального масштаба в обозримом будущем вряд ли возможно в силу относительно низких уровней взаимной торговли и неспособности выстроить полноценные континентальные производственные и технологические цепочки. Примерно такая же ситуация складывается в регионах Ближнего Востока и Южной Азии.

В случае неспособности властей обеспечить эффективные механизмы социальной и профессиональной мобильности значительные группы населения начнут превращаться в новых маргиналов и пауперов, склонных к политическому радикализму и протестной активности в разных формах; это, в свою очередь, может подтолкнуть власти к ужесточению авторитарных механизмов государственного управления. Другая вырисовывающаяся проблема — вероятное выпадение молодых профессионалов, встроенных в удаленные международные сети по производству товаров и услуг, из производственных циклов внутри собственных стран — своего рода «производственная эмиграция» без смены места жительства.

Отдельно следует отметить вероятное обострение проблемы неравенства в доступе к высшему образованию на глобальном Юге в посткризисном мире. С одной стороны, вероятное снижение международной студенческой мобильности в наибольшей степени заденет молодежь из бедных развивающихся стран, которая лишится многих существующих источников финансирования обучения на Севере и столкнется с ужесточением миграционного законодательства в развитых странах. С другой стороны, бюджетные проблемы в странах Юга приведут к изменению балансов в структуре национального высшего образования в пользу частных вузов, представляющих относительно дешевое, но некачественное образование²³. Выпускники элитных университетов, предоставляющих качественное и востребованное на мировых рынках образование, будут стремиться найти рабочие места на Севере, а не на Юге. Соответственно, будет обостряться проблема кадрового обеспечения основных направлений социально-экономической модернизации.

Как и на Севере, на Юге развитие информационно-коммуникационных технологий создает дополнительные возможности не только для коммуникации, прозрачности, образования и пр., но и для различных форм политического контроля, цензуры, манипуляций и репрессий. В большинстве стран Юга власть имеет больше возможностей воспользоваться новыми технологиями для решения своих задач, чем общество — для решения своих.

Вероятные последствия регионализации мировой экономики на экологическое состояние стран Юга оценить сложно, но представляется почти неизбежным, что отказ от попыток создания и соблюдения единых глобальных экологических стандартов ускорит деградацию природной среды во многих развивающихся странах. Эта деградация, помноженная на быстрый рост населения, приведет к серьезному ухудшению качества жизни, что, в свою очередь, будет иметь значительные социальные, экономические и политические последствия²⁴.

Наиболее значимым фактором, по всей видимости, окажется глобальное потепление, неизбежные последствия которого лидеры большинства развивающихся стран до самого последнего времени практически игнориро-

²³ P. G. Altbach, H. de Wit. Post pandemic outlook for HE is bleakest for the poorest// University World News. 04.04.2020. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200402152914362>

²⁴ См.: M. Stauder. Can Africa Survive Climate Change? //The Eurasia Center's Uplifting Africa Program. March 2020. URL: <https://www.upliftingafrica.org/publications>

вали. Климат на Юге будет более засушливым, чем сегодня; дефицит воды затронет почти все страны. Но даже те страны, где изменения климата приведут к увеличению нормы осадков или объема речных водных ресурсов, не смогут воспользоваться дополнительным водным ресурсом для повышения эффективности сельского хозяйства из-за повышения среднегодовых температур и растущего загрязнения водных ресурсов.

Относительно благополучные страны смогут отсрочить водный дефицит за счет дорогостоящих проектов опреснение морской воды, но для бедных стран такой вариант не кажется возможным. Эффективность сельскохозяйственного производства во многих странах будет снижаться, а зависимость Юга от импорта продовольствия с Севера будет возрастать²⁵ при одновременном снижении платежеспособного спроса. В этом же направлении работает и процесс опустынивания, который, по всей видимости, значительно ускорится. Главным социальным последствием экологического и ресурсного кризисов станет ускорение процесса стихийной урбанизации, когда значительные массы бывших крестьян, неспособных сохранить свой традиционный образ жизни, будут вынуждены перемещаться в уже перенаселенные городские агломерации. Соответственно, социальная напряженность в городах будет нарастать.

В более отдаленной перспективе глобальные изменения климата так или иначе скажутся на всех регионах планеты, но масштабы последствий для разных стран будут различными. Глобальный Юг неизбежно окажется в числе наиболее пострадавших: в долгосрочной перспективе здесь участвуют природные катаклизмы, засухи и рекордные температуры, продолжится процесс опустынивания и увеличится дефицит пресной воды. Большое влияние на развивающиеся страны окажет изменение уровня мирового океана. Странам Юга придется иметь дело с растущей нехваткой природных ресурсов, включая продовольствие, с нестабильностью цен на эти ресурсы и с постоянной угрозой новых пандемий. Особую тревогу вызывает то, что экологическая деградация будет сочетаться с продолжающимся быстрым ростом населения в Африке и в Южной Азии.

В недавнем прошлом развитые страны Севера позволяли и даже поощряли перенос «грязных» и энергоемких производств на Юг, повышая собственные экологические стандарты. Однако в посткризисном мире они все чаще будут вводить прямые или косвенные налоги на импорт продукции, производство которой не соответствует внутренним стандартам в Евросоюзе или в США. Тем самым повышение «экологической ответственности» на Севере будут содействовать выпадению глобального Юга из международного разделения труда. Причем под удар будет поставлен не только экспортный сектор промышленности, но также туризм и сельское хозяйство, составляющие основу многих экономик Юга. В то же время разрушение природных

²⁵ В настоящее время только Африка вынуждена импортировать продовольствие на общую сумму в 35 млрд. долл. в год. Этот импорт, как предполагается, должен возрасти к 2025 г. до 110 млрд. долл. в год. См.: A. Tchie. Africa Needs a United, Multidimensional Approach to Coronavirus// RUSI. 24.04.2020.
URL: <https://www.rusi.org/commentary/africa-needs-united-multidimensional-approach-coronavirus>

экологических систем будет идти с ускорением, обгоняя аналогические процессы в большинстве развитых стран²⁶.

Многочисленные экономические и социальные проблемы, связанные с изменениями климата, будут подрывать политическую стабильность; вина за растущие дефициты продовольствия, пресной воды, природные катаклизмы будет возлагаться на правительства, лишая их легитимности и провоцируя насилие и перевороты, а также международные конфликты²⁷. Серьезного опыта в предотвращении или урегулировании конфликтов, возникающих на почве экологических проблем и измерений климата, не имеется ни на Юге, ни на Севере²⁸.

Таким образом, продолжение процессов глобализации в формате регионализации не принесет каких-либо новых возможностей для стран глобального Юга. Напротив, этот формат глобализации затрудняет процесс вхождения экономик развивающихся стран в мировое хозяйство и лишает их многих сравнительных преимуществ, которыми они располагали в прежнем формате. Регионализация нанесет значительный ущерб и глобальному Северу, но Север в целом лучше подготовлен к регионализации, чем Юг.

Социальная поляризация и нестабильность

Глобальный Юг всегда характеризовался высоким уровнем социально-экономической поляризации обществ. Существенный разрыв в доходах бедных и богатых существовал не только внутри отдельных стран²⁹, но и между ними (сошлемся хотя бы на соседние Саудовскую Аравию и Йемен или Коста-Рику и Гаити). Региональные диспропорции (между столицами и периферией, городами и сельскими территориями) на Юге также традиционно были выше, чем на Севере. Есть все основания полагать, что текущий кризис усилит социальную поляризацию, ускорив концентрацию национального богатства в руках узких элитных группировок и увеличивая число людей, находящихся за чертой бедности.

Существующий разрыв между элитами и большинством населения в итоге кризиса станет шире, возможности для социальной мобильности в большинстве случаев останутся очень ограниченными, равно как и перспективы занятости — в первую очередь, для молодежи и для женщин³⁰, а во многих

²⁶ D. W. Sintayehu. Impact of climate change on biodiversity and associated key ecosystem services in Africa: a systematic review // *Ecosystem Health and Sustainability*. Vol 4. No 9. 2018. <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/20964129.2018.1530054#aHR0cHM6Ly93d3cudGFuZGZvbmxpbmUuY29tL2RvaS9wZGYyMTAuMTA4MC8yMDk2NDEyOS4yMDU4LjE1MzAwNTQ/bmVlZEFjY2Vzcz10cnVlQEBAMA>

²⁷ R. Malley. Climate Change Is Shaping the Future of Conflict // *International Crisis Group*. 05.05.2020. URL: <https://www.crisisgroup.org/global/climate-change-shaping-future-conflict>

²⁸ T. H. Lippert. NATO, Climate Change and International Security // *RAND*. 2016. URL: https://www.rand.org/pubs/rgs_dissertations/RGSD387.html

²⁹ Сравнительные данные по Коэффициенту Джини для стран мира более чем красноречивы. URL: <https://worldpopulationreview.com/countries/gini-coefficient-by-country>

³⁰ Определенные возможности для социальной и профессиональной мобильности могут возникнуть в связи с упомянутым выше переходом к цифровой экономике. Это переход будет играть роль «великого уравнителя», позволяющего населению развивающихся стран, включая женщин и молодежь, более активно конкурировать как на национальных, так и на глобальных рынках рабочей силы. Особенно важным для будущего глобального Юга представляется включение женщин в складывающийся сектор цифровой экономики; социальные, экономические и демографические последствия этого процесса трудно переоценить.

случаях — также и для национальных и этнических меньшинств. Все это будет подрывать социальную стабильность, особенно в условиях низкого качества государственного управления, широко распространенной коррупции и непотизма.

Нельзя исключать подъема левых и иных популистских движений, призывающих к перераспределению ресурсов в пользу беднейших слоев — например, в Латинской Америке и на Ближнем Востоке. Однако, трудно себе представить, что в среднесрочной перспективе на глобальном Юге повторится что-то подобное латиноамериканской «левой волне» начала века или «арабской весне» 2010–2011 гг. — возможности для общенациональной социально-политической мобилизации на основе левой платформы сегодня в большинстве стран глобального Юга выглядят более скромными, чем двадцать или даже десять лет назад. Более вероятным представляется снижение фактического (не юридического) контроля центральной власти над окраинными регионами и выдвижение местных харизматических лидеров, претендующим на легитимность и власть на своих территориях.

Эти процессы могут быть усилены периодическими вспышками COVID-19, если пандемия приобретет сезонный характер, а противовирусные вакцины окажутся недостаточно эффективными. Все предпосылки для новых вспышек пандемии в развивающихся странах имеются в наличии. Для большинства государств Юга характерны отсутствие современных систем общественного здравоохранения, дефицит доступных лекарств при одновременной скученности населения — особенно в стихийно растущих и плохо управляемых городских агломерациях. В развивающемся мире 2020 г. около 2 млрд человек по-прежнему не имеют доступа к питьевой воде, не говоря уже о современной системе здравоохранения. Не ясно, насколько глобальный Юг может рассчитывать на международную поддержку в этой сфере, учитывая кризис во Всемирной организации здравоохранения и предстоящее сокращение ее бюджета после выхода из ВОЗ Соединенных Штатов.

Серьезной долгосрочной социальной проблемой для глобального Юга является очень высокая доля, по сравнению с глобальным Севером, теневого сектора в экономике. Даже в таком относительно развитом регионе как Латинская Америка, в теневом секторе работает больше половины всех занятых, а около 40% молодежи не учатся и не имеют постоянного места работы. Конечно, теневой сектор в каких-то случаях позволяет выжить в условиях острого кризиса, но он же одновременно снижает эффективность любых социальных программ и экономических реформ. Кроме того, именно теневой сектор служит плодородной почвой для расцвета организованной преступности, в том числе и транснациональной; эксперты предсказывают бурный рост незаконного оборота наркотиков в мире после кризиса.

После завершения текущего системного кризиса экономическая и эпидемиологическая ситуация будет по-прежнему осложняться такими уже упоминавшимися факторами как широко распространенная коррупция, низкая эффективность государственного управления на всех уровнях, а также

сохранением и, возможно, ужесточением международных санкций в отношении некоторых из государств и территорий глобального Юга (американские санкции в отношении Ирана, Венесуэлы, Сирии и пр.). Даже наличие финансовых ресурсов не гарантирует их эффективного использования — например, попытки освоить выделенные ливийским правительством в Триполи 350 млн долл. на борьбу с пандемией натолкнулись на тотальный дефицит медицинских кадров, порождённый многолетней гражданской войной³¹. Внутренний конфликт в Венесуэле также привел к значительному сокращению материальной и кадровой базы национальной системы здравоохранения. Для многих развивающихся стран характерен низкий уровень доверия обществ по отношению к государственным институтам, что препятствует выполнению населением рекомендаций государства и тем самым способствует распространению эпидемии³².

Одним из долгосрочных последствий распространения пандемии на регионы Южной Азии, Ближнего Востока и Африки в сочетании с нарастанием экономических проблем станет увеличение числа т. н. «неудавшихся государств». Во многих странах в этих регионах (Афганистан, Сирия, Йемен, Ливия, Судан, Сомали) продолжаются многолетние конфликты; частично или полностью разрушена экономическая и социальная инфраструктура, ограничен доступ международных гуманитарных организаций. Противостоят распространению новых инфекционных заболеваний на глобальном Юге значительно труднее, чем в Европе или в Восточной Азии. Как показал опыт COVID-19, даже такая страна с развитой системой здравоохранения как Иран, может оказаться в ситуации, близкой к гуманитарной катастрофе. В свою очередь, дальнейшее разрушение государственности в этих странах будет провоцировать эскалацию протекающих там конфликтов.

Некоторые эксперты полагают, что кризис 2020 г. должен стать катализатором давно назревших социальных преобразований в странах глобального Юга в целях преодоления неравенства, противостояния коррупции, борьбы с теневой экономикой, повышения эффективности государственного управления и модернизации социальной инфраструктуры³³. Кризис также мог бы стать стимулом для децентрализации власти, для проведения назревших административных реформ и усиления органов местного самоуправления³⁴. Этому способно содействовать и сопутствующее кризису ускорение смены поколений в политических и бизнес-элитах многих стран глобального Юга.

³¹ COVID-19 and Conflict: Seven Trends to Watch// Crisis Group/Special Briefing 4. 24.04.2020.
URL: <https://www.crisisgroup.org/global/sb4-covid-19-and-conflict-seven-trends-watch>

³² Некоторые эксперты полагают, что пандемия создает шанс на заключение нового общественного договора между властью и обществом по крайней мере в некоторых развивающихся странах, и что возникшее в ходе борьбы с коронавирусом чувство солидарности и национального единства может быть сохранено и в посткризисную эпоху. См. J. M. Dorsey. Will Gulf States Learn From Their Success in Handling the Pandemic? // Inside Arabia. 27.05.2020.
URL: <https://insidearabia.com/will-gulf-states-learn-from-their-success-in-handling-the-pandemic>

³³ S. Houerbi. Can Tunisia Shake Off "Business As Usual" Following Covid-19? // Arab Reform Initiative. 20.05.2020.
URL: <https://www.arab-reform.net/publication/can-tunisia-shake-off-business-as-usual-following-covid-19>

³⁴ N. El-Mikawy. From risk to opportunity: Local governance in the southern Mediterranean// CIDOB Notes. June 2020.
URL: https://www.cidob.org/en/publications/publication_series/notes_internacionals/n1_232/from_risk_to_opportunity_local_governance_in_the_southern_mediterranean

Однако решить задачи комплексной социально-экономической трансформации будет очень нелегко в условиях острого дефицита финансовых ресурсов при одновременном быстром росте населения. Нагрузка на социальную инфраструктуру будет увеличиваться еще в силу интенсивного и в значительной мере стихийного процесса урбанизации. В странах глобального Юга будут множиться городские агломерации в десятки миллионов человек, этот процесс получит дополнительное ускорение за счет изменений климата и нарастания экологических проблем, снижающих возможности сохранения занятости в традиционном сельском хозяйстве.

Хотя стремительный процесс урбанизации способен создать новые социальные лифты и содействовать укреплению общенациональной идентичности, он также может вести и к противоположным результатам, закрепляя существующее социальное расслоение и углубляя неформальную социальную сегрегацию. Уже сегодня наблюдается процесс перемещения элит и среднего класса в закрытые городские сэттлменты, в то время как бывшие крестьяне и беженцы стихийно формируют бидонвили на окраинах мегаполисов, не имея ни доступа к городским службам или городской инфраструктуре, ни даже юридического статуса городских жителей. Не вполне понятно, насколько продуманное городское планирование способно остановить, а тем более — обратить вспять эти негативные тенденции.

Вполне вероятным представляется нарастание напряженности между привилегированными столичными агломерациями и всеми остальными городскими центрами, финансируемыми по остаточному принципу и требующими перераспределения ресурсов в свою пользу. В конфликтных и постконфликтных ситуациях городское развитие может стать дополнительным источником напряженности (например, строительство новых поселений на спорных территориях в Израиле или новые планы развития Иерусалима). Наконец, существующая политическая нестабильность в той или иной стране может помешать развитию городской автономии и блокировать децентрализацию, необходимую для эффективного городского управления.

В целом, представляется оправданным констатировать повышение рисков в большинстве стран глобального Юга, связанных с социальной поляризацией и сопутствующей ей политической напряженности. Одновременно, маловероятными представляются национальные социальные революции, сравнимые с революциями на глобальном Севере в XIX – XX веках. Политический радикализм будет в большей степени связан с групповыми идентичностями, чем с социально детерминированными (классовыми) интересами. Это станет серьезным препятствием для достижения какого бы то ни было «общественного договора» в посткризисную эпоху — компромисса, касающегося интересов, всегда достичь легче, чем компромисса, касающегося идентичности.

Угрозы политического радикализма

Исторический опыт свидетельствует о том, что при столкновении с серьезным кризисом (войны, террористические акты, стихийные бедствия, эпиде-

мии) общества, как правило, склонны объединяться вокруг национальных лидеров, отодвигая на время на задний план существующие политические, экономические, идеологические и иные разногласия. Начало системного кризиса 2020 г. содействовало социально-политическому сплочению не только в Европе или в Восточной Азии, но и на глобальном Юге. Во многих странах было отмечено снижение уличной протестной активности, повышение рейтингов национальных лидеров и даже призывы оппозиционных сил к «коронавирусному перемирию».

Однако исторический опыт свидетельствует и о том, что такое сплочение может оказаться недолгим, особенно, если руководство страны не демонстрирует явных и значимых для основных социальных групп успехов в борьбе с кризисом. Это особенно характерно для бедных стран, население которых не располагает значительными сбережениями, которые могли бы помочь продержаться в течение сколько-нибудь длительного времени в тяжелых экономических условиях. За непродолжительным всплеском настроений национального единства приходит разочарование и раздражение, вызванные неоправдавшимися ожиданиями от деятельности национального руководства. Текущие высокие рейтинги национальных лидеров не должны никого обманывать: столь же высокие рейтинги демонстрировали многие ближневосточные автократы буквально накануне «арабской весны».

Для некоторых стран глобального Юга (Иран, Бразилия) политические риски усугубляются тем обстоятельством, что пандемия на самом первом этапе своего распространения очень сильно ударила по политической и управленческой элите, снижая эффективность государственного управления. Создающийся вакуум власти способен предоставить дополнительные возможности для правых и левых радикалов, популистов и религиозных фундаменталистов.

В случае дальнейшего ослабления и без того слабых государственных институтов и сопутствующей эрозии государственной идентичности можно предсказать ренессанс трайбализма и иных форм групповой идентичности, включая религиозные, этнические, региональные, племенные и даже возрастные и гендерные. Эта тенденция будет еще больше ослаблять государственные институты и формально-юридические механизмы инкорпорирования групповых интересов в общенациональные политические процессы, порождая негативный замкнутый цикл причинно-следственных связей.

Кризис государственности, возникший задолго до 2020 г., совсем не обязательно должен приобрести форму классического сепаратизма, как это показывают многочисленные примеры на Ближнем Востоке и в Африке. Но вызов групповой идентичности во многих отношениях может оказаться еще более опасным, поскольку его сложно четко зафиксировать и еще сложнее — найти эффективные меры противодействия в условиях ухудшающейся экономической ситуации и усиливающейся социальной поляризации.

Представляется маловероятным, чтобы архаичные авторитарные режимы, «гибридные» режимы или незрелые демократии, характерные для боль-

шинства государств глобального Юга, смогли бы оперативно найти адекватные ответы на этот вызов. Большинство из них по-прежнему воспринимают многообразие не как источник силы, а как источник слабости. Поэтому вероятной реакцией на подъем групповых идентичностей, скорее всего, будет усиление скрытой или открытой дискриминации и сегрегации меньшинств, подавления инакомыслия, принудительного навязывания «общенациональных» идентичностей и т.п.

Одним из возможных последствий такого курса будет повышение привлекательности радикальных религиозных течений³⁵. Роль религиозного фактора на глобальном Юге может варьироваться в широких пределах и будет в значительной мере зависеть от продуманности и рациональности решений, принимаемых политической элитой той или иной страны. Можно предположить, что общей долгосрочной тенденцией станет дальнейшая религиозная фрагментация, центробежные тенденции в религиозной жизни, снижение влияния официальных религиозных иерархий на индивидуальный религиозный выбор. Однако продвижение религиозного плюрализма не обязательно будет иметь своим следствием гармонизацию конфессиональных отношений. При негативном стечении обстоятельств оно может обернуться новой фрагментацией и даже поляризацией, разделяющей сторонников секуляризации и религиозных ортодоксов; новый раскол способен выйти из-под контроля государственных властей и лидеров местных сообществ.

В своем стремлении содействовать укреплению национальной идентичности власти развивающихся стран могут вернуться к традиционному секулярному авторитаризму, принеся в жертву своему стремлению права человека и меньшинств. В отсутствие сильных государственных институтов и опыта достижения компромиссов плюрализм может провоцировать попытки власти восстановления национального единства «любой ценой», что повлечет за собой местные религиозно-этнические чистки и практику дискриминации религиозных меньшинств. Некоторые эксперты полагают, что на этот скользкий путь еще до начала пандемии COVID-19 уверенно встала Индия под руководством премьер-министра Нарендры Моди.

Пандемия и экономические трудности уже активно используются радикальными, экстремистскими и даже террористическими группировками для повышения уровня своей легитимности на фоне бездействия или недостаточной эффективности официальной власти. Афганское движение «Талибан» уже в марте 2020 г. высказалось за взаимодействие с ВОЗ и Международным комитетом Красного Креста, а также обязалось вводить режим прекращения огня в случае вспышек инфекции. Готовность к «коронавирусному перемирию» объявили индийские маоистские группировки, антиправительственные вооруженные группы в Мьянме и ливанское движение «Хезболла»³⁶.

³⁵ Extremism and Terrorism in a Time of Pandemic // ISPI. 20.05.2020.

URL: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/extremism-and-terrorism-time-pandemic-26158>

³⁶ Шакиров О., Соловьев Д. Черные санитары: как мафия и повстанцы помогают бороться с пандемией // РБК. 30.03.2020.

URL: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/30/04/2020/5ea98a319a79474a63da9002>

В то же время в условиях низкой эффективности государственных институтов, неспособных оказывать даже базовые социальные услуги населению, на место государства приходят негосударственные структуры, в том числе организованные преступные группировки. Например, в Северной Африке становится повседневной практикой, когда местные наркоторговцы или «кураторы» незаконных миграционных потоков одновременно поддерживают местные сообщества, предоставляют возможности «неформального» трудоустройства и пр.³⁷ Эти же функции нередко берут на себя наркобароны в Мексике, Бразилии, в других странах Латинской Америки.

Если вероятность общенациональных социальных революций следует признать низкой, то вероятность резкого повышения политической активности различных, в том числе и радикальных групп можно оценить, как высокую. Вполне вероятно усиление трансграничных политических движений радикального толка, также ставящих под сомнение применимость «вестфальских» принципов по отношению к обширным регионам глобального Юга. Соответственно, возникает вопрос о том, насколько универсальна тенденция к усилению национальных государств в мире после системного кризиса.

Наступление авторитаризма

Как было отмечено выше, в обозримом будущем многие проблемы глобального Юга проистекают из институциональной слабости составляющих его государств, некоторые из которых уже являются де-факто «неудавшимися» государствами. Тем не менее, нет никаких сомнений в том, что в посткризисном мире государства по-прежнему будут претендовать на роль основных игроков в политической, социальной и экономической областях, позиционируя себя в качестве главных, а подчас и единственных гарантов выживания национальных элит.

Применительно к глобальному Югу это означает, что государство, даже не являясь сильным с точки зрения эффективного противодействия пандемии коронавируса и минимизации последствий экономического кризиса, будет стараться выглядеть сильным с точки зрения способности контролировать национальное политическое, экономическое пространство. Это относится как к отдельным компонентам государственной машины (чиновники, силовые структуры, государственный сектор), так и к формам государственной системы контроля (клиентские отношения, имитация демократических процедур и институтов, «вертикаль власти», «ручное управление» экономикой и пр.).

Одной из вероятных реакций на угрозы политического радикализма и усиления групповых идентичностей на глобальном Юге могут стать обращение к авторитаризму как к единственному надежному инструменту сохранения государственности. Данная тенденция будет присуща не только регионам с укорененными традициями авторитарного правления (например, Ближний

³⁷ A. Reid, M. Williams. A Human Security Approach to Illicit Trafficking in a Post-Pandemic North Africa// ISPI. 08.05.2020. URL: <https://www.ispionline.it/it/publicazione/human-security-approach-illicit-trafficking-post-pandemic-north-africa-26009>

Восток), но и регионам, где сегодня функционируют режимы демократии (Латинская Америка, Южная Азия³⁸). Склонность прибегнуть к авторитарным методам правления будет возрастать по мере обострения нерешенных проблем социально-экономической и политической модернизации — таких как упомянутая выше экономическая и социальная поляризация, безработица, коррупция и низкая эффективность государственных институтов.

Последовательная и устойчивая демократизация политической жизни для большинства авторитарных и гибридных режимов на глобальном Юге в ближайшей и среднесрочной перспективах представляется маловероятной — не столько в силу эффективности политических репрессий, сколько в силу разрозненности оппозиционных движений и несовместимости программных установок многих из них. Неудачный опыт «арабской весны» десятилетней давности представляется по-прежнему актуальным. Кроме того, можно предположить, что в ближайшие несколько лет на глобальном Юге произойдет качественный прорыв в технологиях социально-политического манипулирования, включая и более активное использование современных информационно-коммуникационных технологий — в частности, посредством импорта этих технологий из Китая.

Следует учитывать и неизбежный рост популярности китайской модели авторитарной модернизации в контексте широко распространенных представлений о том, что Китай продемонстрировал более успешную модель противостояния COVID-19 по сравнению с большинством либеральных демократий Запада³⁹. Разочарование в либеральных моделях развития будет подпитываться ростом антизападных настроений в целом, неизбежным в условиях, когда ведущие западные страны будут все больше концентрироваться на своих внутренних проблемах, сокращая свое участие в решении многообразных проблем глобального Юга. Кроме того, в мире после кризиса как Соединенные Штаты, так и страны Европейского союза, скорее всего, не будут пытаться реализовать модную ранее стратегию «экспорта демократии», осознавая ограниченность своих возможностей и сталкиваясь с многочисленными вызовами политическому либерализму у себя дома.

Впрочем, быстрое распространение информационно-коммуникационных технологий на глобальном Юге создает и дополнительные возможности для социальной и политической мобилизации оппозиционно настроенного населения. В случаях, когда авторитарным режимам не удастся поставить Интернет под свой контроль, появляются предпосылки для быстрого развития «виртуального гражданского общества» с участием традиционно наименее активных групп населения (женщины, безработные, этнические и религиозные меньшинства). Активность этих групп способна оказаться важным

³⁸ A. Rafi. COVID-19 Will Leave South Asia Poorer, Weaker and Less Democratic // World Politics Review. 02.06.2020.
URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/28805/covid-19-will-leave-south-asia-poorer-weaker-and-less-democratic>

³⁹ Кортунов А.В. Битва «коронавирусных нарративов»: три оборонительных рубежа Запада против Китая / РСМД. 24.04.2020.
URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/bitva-koronavirusnykh-narrativov-tri-oboronitelnykh-rubezha-zapada-protiv-kitaya/>

фактором, ускоряющим социальную и политическую трансформацию развивающихся стран. Как показывает история, широкое использование новых информационно-коммуникационных инструментов в политических целях создает как новые возможности, так и дополнительные риски.

Если с массовыми движениями протеста сторонникам сохранения политического статус-кво удастся так или иначе справиться, то основным источником нестабильности в странах глобального Юга, по всей видимости, окажутся многочисленные конфликты внутри правящих элит — между военными и технократами, националистами и компрадорами, религиозными и светскими лидерами и другими противостоящими друг другу группировками. Проблемы политического транзита во многих из этих стран остаются нерешенными, что порождает предпосылки для всякого рода дворцовых переворотов, военных путчей, заговоров и т. п.

Хроническая политическая нестабильность будет еще больше снижать эффективность государственного управления, стимулировать коррупцию, подпитывать радикальную оппозицию и препятствовать социально-экономической модернизации. Применение авторитарными режимами жестких репрессивных механизмов в отношении собственных граждан может привести правящих лидеров к утрате легитимности, спровоцировать новые расколы внутри правящих элит и дать дополнительные стимулы центробежным политическим процессам. Помимо утраты легитимности внутри своих стран, жесткие авторитарные лидеры будут терять легитимность в глазах Запада, что приведет к сокращению программ технической и финансовой помощи и к введению разнообразных санкций.

Многие страны глобального Юга могут оказаться в ловушке растущих ожиданий населения и сокращающихся возможностей власти удовлетворить эти ожидания. Население рассчитывает на сохранение патерналистского социального контракта, а также на появление новых социальных лифтов, а на практике испытывает преимущественно усиление государственного контроля. Это противоречие неизбежно расширяет разрыв между правящими элитами и обществами со всеми негативными последствиями для социально-политической стабильности. Попытки усиления государств для ускорения социально-экономической модернизации авторитарного типа также может принять форму ужесточения репрессий, особенно в случаях, когда государство вынуждено принимать непопулярные решения и возлагать на население дополнительные издержки, связанные с модернизацией.

Репрессивные государства глобального Юга будут обмениваться опытом и совершенствовать технологии подавления оппозиции, но формирование устойчивых альянсов и союзов автократов представляется маловероятным. На региональном уровне сильные государства авторитарного типа будут жестко отстаивать свой суверенитет, выстраивая отношения со своими соседями на принципах «игры с нулевой суммой» и пытаясь использовать в своих интересах разногласия между великими державами. Данный подход

делает крайне маловероятным создание на Юге каких бы то ни было региональных систем коллективной безопасности.

Риски обострения региональных конфликтов

Первым последствием пандемии коронавируса на региональном уровне стала коррекция региональных балансов, появление дополнительных возможностей для одних игроков и дополнительных сложностей для других. На Ближнем Востоке, например, значительные масштабы распространения коронавируса на территории Ирана породили новые проблемы с точки зрения закрепления влияния Тегерана в таких странах как Ирак, Ливан и Сирия. Политически мотивированные анти-иранские настроения в этих странах сегодня дополняются опасениями «импортировать» коронавирус из Ирана.

Однако главный региональный геополитический оппонент Ирана в лице Саудовский Аравии вскоре также оказался одним из эпицентров пандемии, что осложняет выполнения Эр-Риядом функций регионального лидера. В Африке два очевидных претендента на континентальное лидерство — ЮАР и Египет — оказались в наибольшей степени затронуты пандемией, что ограничивает их возможности в отношении других стран континента. В Латинской Америке пандемия нанесла сильный удар по позициям Бразилии как безусловного континентального лидера, в Южной Азии такой же удар был нанесен по региональным амбициям Индии. Демонстрация слабости региональных гегемонов способна провоцировать их оппонентов к более решительным действиям или, по крайней мере, к более настойчивому отстаиванию своих позиций (Катар — в зоне Залива, Пакистан — в Южной Азии, Венесуэла — в Латинской Америке).

Чрезвычайная ситуация глобальной пандемии и потребность в демонстрации решительности собственному населению способна подтолкнуть авторитарные политические режимы к «показательной» эскалации на региональном уровне. Такими мотивами, по мнению западных экспертов, можно объяснить решение руководства Северной Кореи провести шесть запусков баллистических ракет в марте 2020 г.⁴⁰ Также высказываются предположения, что на фоне пандемии КНДР способна существенно нарастить свою активность в киберпространстве, в том числе и резко увеличить масштабы кибератак на государственные и частные финансовые институты, и корпорации⁴¹.

Конечно, пандемия стимулирует и попытки договориться по политическим вопросам на фоне надвигающейся гуманитарной катастрофы. Например, в конце марта начались контакты между руководством Сирии и ОАЭ относи-

⁴⁰ P. Aitken. North Korea fires suspected ballistic missiles, continues test during coronavirus pandemic// FOX News. 29.03.2020.

URL: <https://www.foxnews.com/world/north-korea-continues-test-launch-during-pandemic>

⁴¹ T. Wiesel. Keep an eye on North Korean cyber-crime as the Covid-19 spreads// Pacific Forum. 17.03.2020.

URL: <https://mailchi.mp/pacificforum/pacnet-13-keep-an-eye-on-north-korean-cyber-crime-as-the-covid-19-spreads?e=fdfcf0f1d08>

тельно координации усилий в борьбе с распространением коронавируса⁴². Гуманитарное сотрудничество может оказаться удобным форматом для ведения диалога и по более широким политическим вопросам, где позиции Сирии и ОАЭ совпадают, в частности, по противодействию турецкой активности в Сирии и в других точках арабского мира. Вспышка пандемии в Иране стимулировала руководителей ОАЭ и Кувейта предложить гуманитарную помощь Тегерану. Угроза распространения коронавируса в разрушенном гражданской войной Йемене стимулировала выдвижение предложений об объявлении «коронавирусного перемирия» в этой стране, которые были поддержаны в том числе и Генеральным секретарём ООН⁴³.

С другой стороны, имеются и обратные примеры — пандемия накладывает свои дополнительные ограничения на возможности сотрудничества между соседними государствами. Например, Бразилия и Колумбия в течение длительного времени поддерживали открытость своих границ с Венесуэлой, а также оказывали содействие прибывающим их Венесуэлы беженцам. Приход пандемии заставил эти страны закрыть границы.

В свою очередь, продолжение вооруженных конфликтов будет резко снижать возможности противодействия пандемии. Больницы, госпитали, поликлиники и другие объекты здравоохранения часто становятся приоритетными целями воюющих сторон. Например, в Сирии к моменту начала пандемии функционировало только 57 больниц и клиник⁴⁴.

Еще одним вероятным последствием пандемии на региональные конфликты, по всей видимости, будет изменение баланса между наземными боевыми действиями и военно-воздушными операциями. Коронавирус оказывает наибольшее сдерживающее воздействие на наземные боевые действия, предполагающие тесные контакты между большим количеством воюющих, подверженных угрозе заражения. Вылеты боевой авиации можно проводить в «стерильном» режиме, максимально оградив пилотов от опасности инфицирования. Таким образом, если интенсивность наземных боевых действий в условиях пандемии неизбежно снижается, то военно-воздушные операции могут поддерживаться на прежнем уровне. Соответственно, баланс сил на поле боя в условиях пандемии склоняется в сторону стороны, обладающей эффективными военно-воздушными силами или опирающейся на поддержку внешних партнеров, располагающих таким потенциалом.

Никто не в состоянии достоверно предсказать, какие из многочисленных нынешних конфликтов на глобальном Юге будут успешно разрешены в обо-

⁴² M. K. Bhadrakumar. Coronavirus hastens an Arab rapprochement // Indian Punchline. 28.03.2020.

URL: <https://indianpunchline.com/coronavirus-hastens-an-arab-rapprochement>

⁴³ A Coronavirus Ceasefire Offers a Way Out for War-torn Yemen // International Crisis Group Statement. 27.03.2020.

URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/yemen/coronavirus-ceasefire-offers-way-out-war-torn-yemen>

⁴⁴ M. Asseburg, H. Azizi, G. Dalay, M. Pieper. The Covid-19 Pandemic and Conflict Dynamics in Syria: Neither a Turning Point, Nor an Overall Determinant// SWP Comment 2020/C. 21.05.2020.

URL: <https://www.swp-berlin.org/en/publication/the-covid-19-pandemic-and-conflict-dynamics-in-syria>

зримом будущем, а какие останутся нерешенными. Еще сложнее предугадать, какие возможные новые кризисы и противостояния окажутся в числе самых существенных. По всей видимости, конфликтные ситуации во все большей мере будут связаны с борьбой за ресурсы (в том числе водные), с положением национально-этнических и конфессиональных меньшинств, с управлением миграционными потоками и с попытками укрепить свои позиции на территориях т.н. «неудавшихся государств». Особое распространение приобретут попытки «интернационализации» гражданских войн и иных внутренних конфликтов — как соседними странами, так и претендентами на региональную гегемонию.

Ясно, однако, что нынешние конфликты (даже если им будут найдены удовлетворительные решения) будут влиять на развивающийся мир еще много десятилетий. Не менее очевидно, что многие из перечисленных выше тенденций будут так или иначе генерировать дополнительный конфликтный потенциал и порождать риски для возрождения старых трений, национальных стереотипов и исторических обид⁴⁵.

Милитаризация глобального Юга и усилия по преодолению разрушительных последствий конфликтов могут отвлечь ограниченные ресурсы от не менее важных социальных и экологических задач. Одновременно будет снижаться привлекательность находящихся в зонах конфликтов стран для иностранных инвесторов. В итоге многие страны глобального Юга могут упустить время, необходимое для того, чтобы подготовиться к вызовам середины века. Этим странам грозит комплексный кризис развития, с которым они уже будут не в состоянии справиться.

В то же время, относительно успешные страны Юга будут рассматривать возможность приобретения ядерного оружия, которое будет восприниматься ими как единственная надежная гарантия обеспечения своей национальной безопасности. Тенденция к ядерному распространению станет особенно заметной в случае, если Соединенные Штаты после ухода президента Дональда Трампа будут продолжать его курс на сворачивание американских гарантий безопасности партнерам в зоне развивающихся стран (в первую очередь это относится к хронически нестабильному региону Ближнего Востока и Северной Африки). Впрочем, для большинства стран глобального Юга более привлекательной может оказаться перспектива приобретения не ядерного, а химического оружия как более доступного, менее дорогого и в большей степени пригодного для практического использования.

⁴⁵ Where the Pandemic Hits the Hardest: fragility, Conflict and COVID-19 in Asia // ISPI. 30.05.2020.

URL: <https://www.ispionline.it/en/publicazione/where-pandemic-hits-hardest-fragility-conflict-and-covid-19-asia-26361>

Решения

Устойчивое развитие и политическая стабильность

Как известно, любой кризис — это не только новые угрозы и вызовы, но также и новые возможности. Ситуация «идеального шторма» может и должна стать стимулом для поиска новых моделей и стратегий модернизации, для принятия непопулярных и рискованных, но необходимых решений, для расширения международного сотрудничества, для формирования широких социальных и политических коалиций, которые невозможно создать при других обстоятельствах. Страны глобального Юга могут воспользоваться сложившимися кризисными обстоятельствами для форсированного перехода к новым алгоритмам экономического и социального развития, соответствующего реалиям XXI века.

Используя термин Йозефа Шумпетера, можно предположить, что момент системного кризиса способен одновременно оказаться моментом «созидательного разрушения». Осознание общих для глобального Юга угроз может помочь преодолеть текущие политические разногласия, сформировать единую повестку дня и способствовать появлению отсутствующей на данный момент групповой солидарности развивающихся стран. В основе новых стратегий, по всей видимости, должны лежать идеи устойчивого социально-экономического развития и политической стабильности при уходе от традиционных альтернатив XX века («демократия — авторитаризм», «рыночная экономика — государственная экономика», «либерализм — социализм» и пр.).

В любой из перечисленных выше экономических и социальных проблем заложен потенциал для развития. Например, начавшаяся энергетическая революция открывает возможности глобальному Югу не только присоединиться к работе по созданию новой энергетики, но и на некоторых направлениях занять в этой работе лидирующие позиции. Сравнительные преимущества Юга — географические, климатические, ресурсные — в развитии новой энергетики более чем очевидны. Возникают новые потенциальные возможности для расширения сотрудничества стран глобального Юга с Китаем (солнечная энергетика), с Европейским союзом (ветроэнергетика) и Россией (гидроэнергетика и атомная энергетика). Снижение значения Юга в традиционной углеводородной энергетике сократит стимулы для сохранения экономики, основанной на извлечении природной ренты.

Процессы цифровизации и автоматизации создают не только новые проблемы для Юга. Они также открывают возможности встраивания Юга в формирующиеся новые глобальные производственные цепочки, особенно если они будут протекать параллельно с посткризисным экономическим подъемом и с реализацией китайского проекта «Одного пояса и одного пути». При создании благоприятной среды цифровой экономики, как показывает опыт многих стран Восточной и Юго-Восточной Азии, появляется большое количество новых рабочих мест, происходит сокращение рабочей недели,

новые сектора экономики начинают позитивно влиять и на традиционные сектора, возникают перспективы для более активного включения женщин и молодежи в экономическую жизнь.

При благоприятном стечении обстоятельств переход к новому технологическому укладу сократит нынешний разрыв между городским и сельским населением; новые технологии создадут дополнительные стимулы для бизнеса вне городских центров, уровень жизни в сельской местности повысится. Будет нанесен сильный удар по государственным монополиям и клановым экономическим системам, что приведет к повышению эффективности экономик глобального Юга в целом. Развитие цифровой экономики в какой-то степени компенсирует неизбежное снижение географической мобильности и сокращение миграционных потоков в мире после COVID-19.

Экологическая повестка дня может создать дополнительные стимулы для расширения сотрудничества между Югом и Севером; последний будет вынужден уделять больше внимания и выделять больше ресурсов (финансовых и технологических) странам Юга. Экологически ориентированные общественные движения могут дать новый импульс развитию гражданского общества в странах Юга. Поиск эффективных средств минимизации негативных последствий изменения климата может оказаться катализатором новых технологических и управленческих решений, диверсификации национальных экономик и создания новых рабочих мест. Необходимость совместного использования природных ресурсов может повысить заинтересованность соседних стран в сотрудничестве друг с другом, в реализации проектов трансграничного характера, в обмене лучшими практиками и т. д.

При благоприятном течении обстоятельств стремительная урбанизация также может оказаться скорее преимуществом, чем недостатком глобального Юга. Крупные города и городские агломерации станут наиболее привлекательными точками приложения иностранных инвестиций благодаря наличию доступного трудового ресурса, емких местных рынков и относительно развитой инфраструктуры. Городская среда, как правило, предоставляет больше экономических и социальных возможностей для молодежи и женщин; социальные и профессиональные «лифты» работают в них эффективнее, чем в малых городах и в сельской местности. Столичные агломерации могут выступить лабораториями для поиска решений социальных и экологических проблем, особенно если городские власти будут иметь достаточную финансовую и административную автономию для реализации своих планов. В крупных городах может вырасти новое поколение политиков, способных расширить горизонты политического пространства и бросить вызов консервативным и архаичным старым элитам⁴⁶.

По всей видимости, главным внешним игроком, способным содействовать переходу глобального Юга на траекторию устойчивого развития в обозри-

⁴⁶ Global Cities in the Age of Covid-19: Agenda 2030 and Sustainable Development// ISPI, 19.04.2020.
URL: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/global-cities-age-covid-19-agenda-2030-and-sustainable-development-25769>

мой перспективе останется Китай. Китайские инвестиции способны сыграть важную роль в модернизации инфраструктуры и облегчить доступ стран Юга к растущим рынкам Восточной Азии. Если исходить из того, что Пекину удастся сохранить устойчивые темпы экономического роста, несмотря на все сопутствующие этому росту проблемы, успешная реализация проекта «Один пояс и один путь» радикально трансформирует социально-экономический ландшафт не только евразийского континента, но также многих регионов Африки и Латинской Америки⁴⁷.

Заинтересованность национальных элит в сотрудничестве с Китаем будет возрастать, нацеленность Китая на формирование альтернативных западным международным экономическим и финансовым институтам и режимов будет импонировать значительной части этих элит; то же самое можно сказать о неприятии Пекином универсализма либеральных западных ценностей. В случае последовательного сближения с Пекином автократы глобального Юга постараются использовать продвинутое китайские технологии политического контроля (например, социальный скоринг) для консервации своей власти и предотвращения политических перемен. Естественно, системное включение глобального Юга в проект «Один пояс и один путь» усилит асимметрию в экономических связях Китая и его партнеров. Консолидировав свои позиции в зоне развивающихся стран, Пекин может попытаться закрепить их в виде неравноправных экономических соглашений или начать претендовать на политическую и военно-стратегическую гегемонию на глобальном Юге.

Экономическая экспансия Китая может привести к обострению конкуренции между странами Юга за позиции «стратегических партнеров» КНР. Возможность выработки какой-то консолидированной позиции развивающегося мира в отношении Китая выглядит маловероятной, но в принципе возможной. В противном случае развивающиеся страны будут соревноваться друг с другом в предоставлении Пекину максимально возможных льгот и преференций, что еще более усилит асимметрию сотрудничества с Китаем для глобального Юга в целом.

Современные и стратегически мыслящие лидеры могут использовать государственные институты в целях эффективной социально-политической мобилизации, без которой невозможны успешные национальные проекты модернизации. Сильное и уверенное в себе государство способно выступить легитимным арбитром и балансиром в отношении различных, подчас противостоящих друг другу экономических и социальных интересов. Точно так же только сильное государство может обеспечить устойчивый и эффективный баланс между центром и периферией, обеспечить управляемую и

⁴⁷ Следует учитывать, что в посткризисном мире экономические возможности Китая на глобальном Юге будут существенно сдерживаться повышенными экономическими и политическими рисками на Юге и возможным растущим разрывом между интересами Китая и развивающихся стран — объектов китайской экономической и финансовой активности. F. K. Chang, Lack of Demand: The Coronavirus Pandemic and China's Belt and Road Initiative// Foreign Policy Research Institute. 27.04.2020.
URL: https://www.fpri.org/article/2020/04/lack-of-demand-coronavirus-pandemic-belt-and-road/?mc_cid=57bb18a2e1&mc_eid=6f24f55c06

последовательную децентрализацию, не идя на риск неконтролируемого распада страны. Сильное государство способно стать ответственным участником международных отношений, в том числе региональных договоренностей и объединений; если устойчивый регионализм вообще возможен на глобальном Юге, то лишь с участием сильных государств.

Религиозный плюрализм и движение в сторону индивидуального выбора в религиозных вопросах будут подталкивать общества в направлении большей толерантности и преодоления последствий старых конфессиональных конфликтов. Хотя групповые субнациональные идентичности будут по-прежнему играть значительную роль на глобальном Юге, постепенное усиление акцента на индивидуальные права и свободы позволит закрепить приоритет общенациональной идентичности по отношению к другим групповым идентичностям. Поставленные перед необходимостью бороться за лояльность своей паствы, религиозные организации будут вынуждены в своей практической деятельности дистанцироваться от государства, отказываться от политизации религиозных споров и ориентироваться на непосредственные потребности местных сообществ; все это может привести к более активному и продуктивному межконфессиональному диалогу.

Наконец, низкая вероятность того, что в обозримом будущем на глобальном Юге появятся надежные системы коллективной безопасности, не означает, что в сфере безопасности вообще ничего сделать не удастся. Общая потребность в каких-то региональных механизмах урегулирования кризисных ситуаций, способных смягчить потенциальные последствия новых инцидентов, просчетов, снизить риски эскалации и пр., сейчас на Юге велика как никогда. Отсутствие таких механизмов уже само по себе является существенным фактором нестабильности, поскольку оно постоянно порождает недоверие и вызывает подозрения относительно намерений потенциальных противников. Ближайшая цель состоит не в том, чтобы разрешить все существующие проблемы безопасности на глобальном Юге, а в том, чтобы обеспечить более высокий уровень предсказуемости и взаимной уверенности в возможностях эффективного урегулирования неизбежных микро-, мини- и мега кризисов.

Отправной точкой в «установлении контроля над рисками эскалации» должно стать налаживание каналов связи и формирование групп по урегулированию кризисных ситуаций, способных обмениваться данными раннего предупреждения и информацией на основе надежных инструментов технического мониторинга. Даже такая ограниченная цель потребует политически смелых решений от потенциальных противников, но достижение этой цели представляется вполне возможным⁴⁸.

⁴⁸ В качестве примера можно сослаться на предложения по созданию механизмов управления рисками эскалации в зоне Залива. См.: Кортюнов А.В., Дюкло М. Механизм урегулирования кризисных ситуаций на Ближнем Востоке нужен как никогда/ РСМД, 12.02.2020.
URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mekhanizm-uregulirovaniya-krizisnykh-situatsiy-na-blizhnem-vostoke-nuzhen-kak-nikogda/>

«Большая сделка» с глобальным Севером

Пандемия коронавируса еще раз подтвердила наличие на планете глобального социума, взаимозависимости даже самых удаленных друг от друга стран и регионов мира, потребности в коллективных действиях государств и ценности в мировой политике принципа многосторонности⁴⁹. Одновременно нынешний кризис стал беспрецедентным в нынешнем столетии вызовом для либерального мирового порядка, куда более значительным, чем вызов со стороны «ревизионистского» руководства Китая или со стороны нынешнего президента США⁵⁰. Парадокс нынешней ситуации состоит в том, что именно тогда, когда потребность в коллективных действиях велика как никогда, готовность основных игроков мировой политики и экономики опустилась до самых низких уровней со времени окончания «холодной войны».

Системный кризис стал как ярким свидетельством хрупкости и низкой эффективности многосторонних международных институтов, так и демонстрацией крайних проявлений национального эгоизма в Европе и в Соединенных Штатах⁵¹. Данный эгоизм проявился как в том, как страны глобального Севера вели себя по отношению друг к другу, так и в том, как они вели себя по отношению к глобальному Югу — по крайней мере, на начальных стадиях кризиса. Теоретически, пандемия должна была подтолкнуть все страны мира к более активному взаимодействию друг с другом, демонстрируя очевидные преимущества многосторонних подходов⁵². В реальности, одним из самых явных побочных эффектов начавшейся пандемии стали усиление антиглобалистов, подъем настроений изоляционизма и ксенофобии, демонстрация низкой продуктивности многосторонних форматов взаимодействия государств.

Самым наглядным примером отхода от принципа многосторонности стало решение администрации Трампа закрыть границы США для граждан Европейского союза, принятое без каких-либо консультаций с американскими союзниками в Европе⁵³. Это решение сразу же стало объектом жесткой критики не только со стороны политиков Евросоюза, но и в Соединенных Штатах как вызывающее, провокационное и лишенное практического

⁴⁹ F. Mogherini. Listening to the Pandemic // Project Syndicate. 17.03.2020.

URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/covid19-pandemic-makes-short-work-of-nationalism-by-federica-mogherini-2020-03>

⁵⁰ C. Norrlof. COVID-19 and the liberal international order: exposing instabilities and weaknesses in an open international system // FIAA Comment. April 2020.

URL: https://www.fiaa.fi/wp-content/uploads/2020/04/comment11_covid19-and-the-liberal-international-order.pdf?mc_cid=16c662d5cb&mc_eid=6f24f55c06

⁵¹ P. Mason. How coronavirus could destroy the Western multilateral order. New Statesman, 25.03.2020.

URL: https://www.newstatesman.com/world/north-america/2020/03/how-coronavirus-could-destroy-western-multilateral-order?mc_cid=6a901092aa&mc_eid=6f24f55c06

⁵² Antonenko O. Coronavirus Pandemic Offers Opportunity to Change Russia's Relations with the West. The Russia File // Kennan Institute. 13.03.2020.

URL: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/coronavirus-pandemic-offers-opportunity-change-russias-relations-west>

⁵³ G. Orr. Trump announces 30-day suspension of most travel from Europe // Politico. 13.03.2020.

URL: <https://www.politico.eu/article/trump-announces-30-day-suspension-of-travel-from-europe/>

смысла⁵⁴. Впрочем, через очень короткое время страны — члены Евросоюза последователи американскому примеру в ограничении международного авиасообщения. Разумеется, были приостановлены в том числе и коммуникации между Севером и Югом, что создало многочисленные проблемы для туристов, студентов, бизнесменов и других категорий населения, так или иначе зависящих от надежности международных транспортных артерий. За очень редкими исключениями, ограничительные меры принимались странами в одностороннем порядке, без учета интересов своих партнеров⁵⁵.

Роль эффективного глобального штаба по борьбе с пандемией не смогли взять на себя ни Совет Безопасности ООН⁵⁶, ни «Группа двадцати»⁵⁷. Внутри таких объединений как ЕС, АСЕАН, ЕАЭС с самых первых недель пандемии выявились различные, подчас — существенно расходящиеся национальные стратегии противостояния коронавирусу. Испытание пандемией выявило многие институциональные, политические и экономические проблемы внутри многосторонних организаций, которые в более благоприятных условиях удавалось игнорировать или разрешать. Объединяющая и координирующая роль Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в борьбе с пандемией пока остается очень ограниченной, а с учетом последних решений администрации Трампа даже будущее этой организации находится под вопросом.

В ближайшем будущем нет оснований надеяться на то, что глобальный Север выступит с последовательной и комплексной стратегией содействия глобальному Югу, подобного «Плану Маршалла», реализованному Соединенными Штатами в Западной Европе после второй мировой войны. Хотя США по-прежнему остаются важным игроком на глобальном Юге, значение Юга в американской глобальной стратегии, по всей видимости, будет сокращаться независимо от расстановки политических сил в Вашингтоне. Относительное ослабление Соединенных Штатов по отношению к поднимающимся центрам силы заставит Вашингтон крайне избирательно и осторожно подходить к своим обязательствам в зоне развивающихся стран, фокусируясь на более важных для себя географических направлениях. Постепенное сворачивание американских обязательств на Юге при отсутствии альтернативного «внешнего гегемона» может стимулировать усилия государств глобального Юга по поиску самостоятельных решений острых проблем безопасности региона и даже попытки создания новых систем безопасности. Однако, как было отмечено выше, такие попытки едва ли окажутся успешными.

⁵⁴ T. McTague. Trump's European Travel Ban Doesn't Make Sense// The Atlantic. 12.03.2020.

URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2020/03/donald-trump-coronavirus-europe-britain-schengen-travel/607876/>

⁵⁵ Справедливости ради стоит добавить, что односторонние решения по «национальной самоизоляции» принимались не только на Севере, но и на Юге. Руководители многих развивающихся стран надеялись, что их странам удастся избежать пандемии с помощью приостановления контактов с Китаем и Европой. В большинстве случаев эти надежды не оправдались.

⁵⁶ См.: Кортунов А.В. Почему молчит Совбез? / РСМД. 31.03.2020.

URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/pochemu-molchit-sovbez/>

⁵⁷ Кортунов А.В. Почему «двадцатка» не спасет мир/ РСМД. 1.04.2020.

URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/pochemu-dvadtsatka-ne-spasyet-mir/>

Европейский союз в обозримом будущем остается преимущественно на вторых ролях на глобальном Юге. Активность ЕС будет снижена, как минимум, тремя обстоятельствами. Во-первых, фактом выхода из Союза Великобритании, которая была одним из наиболее последовательных сторонников расширения сотрудничества ЕС с глобальным Югом. Во-вторых, наличием внутри Евросоюза серьезных разногласий относительно стратегии на южном направлении: иллюстрацией чего могут служить, например, позиции Франция и Италии по ливийскому вопросу. В-третьих, политико-психологические последствия пандемии коронавируса (особенно в том случае, если пандемия будет подавлена в Европе, но ее тлеющие очаги сохранятся на глобальном Юге) будут препятствовать европейской открытости в отношении развивающихся стран⁵⁸.

Нельзя исключить возможный подъем расизма и ксенофобии как в Европе, так и в Соединенных Штатах, который также будет способствовать дистанцированию «совокупного Запада» от проблем глобального Юга. В худшем варианте мы увидим реализацию стратегий «американской» и «европейской крепости», предполагающих сворачивание экономических, политических и гуманитарных связей в большинстве развивающихся стран, ужесточение контроля над своими границами и ограничение исходящих с Юга миграционных потоков.

Однако позиция самоустранения повлечет за собой многочисленные издержки не только для Юга, но и для Севера. Во-первых, экологические проблемы и проблемы изменения климата, которые в этом случае будут неизбежно быстро обостряться на Юге, начнут оказывать все более значительное воздействие на глобальный Север. Во-вторых, все более мощные волны международного терроризма, возникающие на Юге, также будут все чаще выплескиваться на относительно благополучный Север. В-третьих, политика самоустранения неизбежно лишит Север одного из наиболее перспективных источников собственного развития.

Таким образом, «самоизолироваться» от глобального Юга странам Севера не удастся. Влияние Севера на Юге в долгосрочной перспективе будет зависеть в первую очередь от способности Севера выступать в качестве единого, надежного, великодушного и предсказуемого партнера. Политические проблемы во многих развивающихся странах делают особенно значимым для Севера взаимодействие с развивающимся миром на негосударственном уровне, в котором большую роль могут сыграть граждане стран Севера с корнями из глобального Юга. Развитие самого Севера в направлении большего культурного и религиозного плюрализма будет увеличивать притягательность «северной модели» развития для стран глобального Юга, создавая дополнительные возможности для сотрудничества.

В условиях острого системного кризиса «Большая сделка» между глобальным Севером и глобальным Югом могла бы включать в себя несколько

⁵⁸ Ch. Grant. Coronavirus is pushing the EU in new and undesirable directions// Centre for European Reform. 15.05.2020. URL: <https://www.cer.eu/insights/coronavirus-pushing-eu-new-and-undesirable-directions>

позиций. В первую очередь, максимально широкое и открытое для всех стран сотрудничество в борьбе с коронавирусом. Поскольку страны Юга выходят на пик пандемии тогда, когда на Севере уже начинается ее спад, перемещение финансовых ресурсов, медицинского оборудования, необходимой инфраструктуры с Севера на Юг представляется логичным и оправданным. Должна быть достигнута договоренность об оперативном использовании на Юге антивирусной вакцины, когда такая вакцина появится на Севере. В более долгосрочной перспективе необходимо резко нарастить ресурсную базу для существенного повышения эффективности и доступности национальных систем здравоохранения в странах глобального Юга. Один из уроков пандемии состоит в том, что состояние национальных систем здравоохранения не может быть исключительной зоной ответственности национальных правительств.

В сфере международных экономических отношений по линии «Север — Юг» критически важно в максимальной степени сохранить принципы свободной торговли и не допустить окончательного развала Всемирной торговой организации. Реформы ВТО должны продолжаться объединенными усилиями основных участников мировой торговли (Европа и Азия), даже если пока трудно надеяться на конструктивное участие в этом процессе Соединенных Штатов. Глобальный Юг должен избежать участи главной жертвы торговых войн и остаться составной частью мировых производственных цепочек. По возможности, существующие торговые преференции для беднейших стран должны быть не только сохранены, но и расширены. Со своей стороны, страны Юга должны взять на себя дополнительные обязательства по соблюдению международных трудовых, экологических и иных стандартов в производстве экспортных товаров и услуг.

По всей видимости, не обойтись без масштабных мер по снижению долговой нагрузки на страны глобального Юга. За первыми шагами, объявленными на виртуальном саммите G20 в марте, должны последовать следующие, более масштабные меры по реструктуризации или списанию долгов беднейшим странам — как государственных, так и частных. В данный момент со стороны международных кредиторов не наблюдается высокой степени готовности к демонстрации подобной щедрости, но альтернативой этим мерам может оказаться цепочка национальных дефолтов и подрыв стабильности международных финансов в целом.

В дополнение к этому Международному валютному фонду и другим международным финансовым институтам следует предусмотреть пакет мер по модернизации мировой финансовой системы и упорядочиванию международных финансовых операций. Стоит вернуться к «невывученным урокам» глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. Нужно минимизировать риски резких и неожиданных колебаний валютных курсов, ограничить возможности для спекулятивных финансовых операций, предусмотреть более эффективные механизмы по борьбе с финансовой преступностью и, в частности, с практикой «отмывания» финансовых средств глобального Юга в

странах глобального Севера. Развивающиеся страны должны более жестко и последовательно бороться с финансовой преступностью, исходящей из их юрисдикций. Реформа международной финансовой системы займет много лет, но даже первые шаги на этом пути уже будут иметь большое значение для всех игроков на мировых финансовых рынках.

Также должна быть достигнута международная договоренность между странами-экспортерами и странами-импортерами о стабилизации цен на энергетические и иные сырьевые ресурсы. Без преодоления нынешней волатильности мировых сырьевых рынков трудно рассчитывать на реализацию долгосрочных сбалансированных программ экономического развития стран глобального Юга, как и на стабильный рост мировой экономики в целом. Разумеется, такие договоренности не должны восприниматься на глобальном Юге как альтернатива энергичным усилиям по диверсификации национальных экономик и снижению зависимости от сырьевого экспорта.

По всей видимости, оптимальной площадкой для достижения договоренности по «Большой сделке» должна стать «Группа двадцати», в которой представлены ведущие экономики как Севера, так и Юга⁵⁹. Большую роль в практической реализации отдельных положений сделки могли бы сыграть МБРР, МВФ, ВТО и иные профильные многосторонние институты, большинство из которых также нуждаются в реформах и модернизации. Незаменимым центром координации и информационного обмена по вопросам, касающимся борьбы с пандемией, остается ВОЗ, несмотря на то, что в конце мая Дональд Трамп объявил о полном прекращении сотрудничества США с этой организацией.

Перспективы «Большой сделки» между Севером и Югом на данный момент выглядят не слишком обещающими. Можно привести множество аргументов, убедительно доказывающих ее невозможность в силу непреодолимых политических, экономических, финансовых, юридических, организационных и иных препятствий. Рассчитывать на достижение глобального консенсуса по перечисленным выше вопросам, конечно же, не приходится — по крайней мере, в ближайшем будущем. Но тщательная проработка этих вопросов хотя бы на экспертном уровне уже была бы большим достижением.

Роль России

В посткризисную эпоху (исходя из того, что кризис закончится для России без катастрофических экономических и политических последствий) Москва имеет возможности сохранить и даже укрепить свои позиции как одного из важных внешних игроков на глобальном Юге. Она остается активным участником большинства многосторонних переговоров, касающихся безопасности и развития многих регионов Юга (в первую очередь, это относится

⁵⁹ E. Greco. G20 in the Spotlight: The Fight Against COVID-19// Istituto Affari Internazionali. May 2020.
URL: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/g20-spotlight-fight-against-covid-19>

к Ближнему Востоку и Северной Африке, в меньшей степени — к Южной Азии и Латинской Америке).

В то же время, судя по всему, в посткризисном мире Москва окажется не в состоянии инвестировать в страны глобального Юга значительные безвозвратные ресурсы и в силу этого постарается перевести отношения с развивающимся миром на «хозрасчетную» основу. Глобальный Юг едва ли займет место одного из стратегических внешнеполитических приоритетов России, сравнимых с Соединенными Штатами, с Европейским союзом или с Восточной Азией. По всей видимости, на Юге Москва по-прежнему будет делать ставку преимущественно на двусторонние отношения со своими традиционными стратегическими партнерами — в первую очередь, с членами группы БРИКС, а также с геополитическими союзниками (Иран, Сирия, Венесуэла, Куба, Никарагуа и т. д.). Как и в других странах, в России системный кризис приведет к усилению настроений изоляционизма; предложения о расширении российской помощи странам Юга едва ли будут восприниматься с энтузиазмом общественным мнением.

В случае нарастания региональной нестабильности в регионах глобального Юга у России могут появиться некоторые дополнительные тактические возможности, особенно, на фоне вероятного подъема на Юге антизападных и антикитайских настроений. Эти возможности будут расширяться в случае снижения интереса США и Евросоюза к глобальному Югу в контексте нарастания внутренних проблем на Западе и увеличивающегося дефицита ресурсов на программы помощи. При желании, Россия могла бы использовать в своих интересах намечающийся после кризиса «вакуум силы» во многих регионах развивающегося мира⁶⁰. Кроме того, в условиях нестабильности объективно повышается ценность военной силы и способностей ее проецировать — т.е. именно тех инструментов внешней политики, где Россия способна конкурировать как с Соединенными Штатами, так и с Китаем (в отношении Китая было бы точнее сказать — дополнять китайские экономические инициативы на глобальном Юге).

Соответственно, у России появляются возможности использовать «сирийскую» или «ливийскую» модель для продвижения своих интересов в нестабильных регионах глобального Юга. Исходя из очевидных ограничений материальных ресурсов, усугубленных пандемией внутри страны и низкими ценами на углеводороды, представляется более вероятным, что Россия будет использовать именно «ливийскую» модель, избегая прямой вовлеченности в конфликты, пытаясь поддерживать конструктивные отношения со всеми главными участниками конфликтов и преследуя не столько общие геополитические, сколько специфические экономические цели.

С другой стороны, у России появляется возможность содействовать формированию широких международных коалиций для решения региональных

⁶⁰ Кортунов А.В. Российская внешняя политика и коронавирус: возможности и угрозы / РСМД. 28.04.2020.
URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyskaya-vneshnyaya-politika-i-koronavirus-vozmozhnosti-i-ugrozy/>

проблем. Опыт договоренности по сокращению экспорта нефти, достигнутой Россией совместно с Саудовской Аравией и другими странами-экспортерами углеводородов при участии США, мог бы быть использован в управлении региональными рисками (Йемен). Было бы неправильным рассматривать российские интересы на глобальном Юге как принципиально несовместимые с интересами Запада, тем более, что само понятие «Запада» применительно к Югу вызывает много вопросов — по целому ряду проблем позиции России и Евросоюза существенно ближе друг к другу, чем к позициям США.

Самый сложный вопрос для Москвы — демонстрация своих сравнительных преимуществ как партнера в реализации программ экономической и социальной модернизации стран Юга. Вспомним, что популярность Советского Союза в «третьем мире» определялась не только тем, что Москва выступала как геополитический противовес Вашингтону и поддерживала развивающиеся страны в их противостоянии с бывшими колониальными метрополиями. Помимо этого, СССР предлагал свой вариант будущего для глобального Юга, свою модель развития и свои рецепты решения острых социально-экономических проблем для развивающихся стран. И пусть советская модель в итоге потерпела неудачу, ее воздействие на элиты и общества глобального Юга ощущается даже сегодня.

Россия — не Советский Союз. Она сейчас не в том положении, чтобы выступить моделью развития для развивающихся стран или для кого бы то ни было еще в мире. Многие острые проблемы, характерные для государств глобального Юга — зависимость от экспорта углеводородов, социальное неравенство, низкая эффективность государственного управления, коррупция, слабая мотивация к инновациям и пр. — в той же или почти в той же мере характерны и для современной России. Но именно общность проблем и вызовов создает дополнительные возможности для равноправного сотрудничества. Но, не претендуя более на роль учителя и наставника для региона, Россия могла бы предложить развивающимся странам вместе решать нелегкие задачи социально-экономической и политической модернизации «полу-периферийных» обществ в глобальном мире XXI в.

Возможно, пришло время подумать о долгосрочной российской стратегии в отношении глобального Юга, учитывая не только сегодняшние военно-политические реалии, но и те вызовы и возможности, которые пока только смутно вырисовываются на горизонте. Например, Россия и экспортеры углеводородов на Юге стоят перед общим вызовом глобальной энергетической революции. Совместная подготовка к этой неизбежной революции в перспективе может оказаться не менее важным делом, чем достижение соглашений о квотах добычи нефти в формате ОПЕК+.

Выше отмечалась проблема асимметрии в отношениях между развивающимися странами и Китаем. Россия и здесь могла бы оказаться совсем не лишним игроком, предложив своим партнерам в регионе подключение к многосторонним конструкциям (например, к ШОС или БРИКС+), где неизбежное

доминирование Пекина смягчалось бы особенностями процедур принятия решений. По всей видимости, можно ускорить переговоры о создании зон свободной торговли между ведущими странами глобального Юга и ЕАЭС.

Подобно членам Европейского союза, Россия много выиграла бы от расширения спектра своих партнеров в зоне развивающихся стран за счет институтов гражданского общества, ведущих университетов, влиятельных аналитических центров. Это особенно актуально в контексте предстоящей трансформации политических элит глобального Юга. В этих элитах найдется немало выпускников советских и российских вузов, во многих странах существуют укоренившиеся российские диаспоры, сохраняется интерес к российской культуре.

Но все это — недостаточно прочная основа для строительства отношений. Важно, чтобы на Юге Россия ассоциировалась не только с прошлым, но и с будущим, не только с удержанием стабильности и разрешением кризисов безопасности, но и с амбициозными задачами социально-экономического развития. Если, конечно, в Москве подходят к будущему глобального Юга не только с точки зрения потенциальных угроз и вызовов для России, но и с точки зрения новых возможностей и перспектив для нее.

Послесловие

Сегодня стало модным говорить о том, что текущий системный кризис ускорило движение мировой политики и экономики в направлении американо-китайской биполярности, и что главный вопрос грядущего миропорядка сводится к тому, насколько жесткой или гибкой в итоге окажется эта биполярная конструкция. С подобной логикой, наверное, можно согласиться, если речь идет о самом ближайшем будущем, ограниченном горизонтом нескольких лет. Однако, заглядывая несколько дальше, представляется вероятным, что биполярность мировой политики и экономики будет все больше выстраиваться не по оси «Запад — Восток», характерной для прошедшего столетия, а по оси «Север — Юг».

Разумеется, грани между Востоком и Западом не сотрутся в течение долгого времени. Китайская модель модернизации на протяжении многих десятилетий будет существенно отличаться от западной модели. Но все же, чем дальше в будущее мы заглядываем, тем больше оснований мы находим для того, чтобы отнести Китай (как и Россию) к условному глобальному Северу. Достижение исторического компромисса между США и Китаем потребует политической воли, настойчивости, терпения и гибкости от обеих сторон, но общие контуры такого компромисса в целом понятны.

А вот общие контуры компромисса между глобальным Севером и глобальным Югом пока что остаются не вполне ясными. Описанная выше «Большая сделка», даже если она будет в той или иной форме заключена, не более, чем первый шаг на очень протяженном пути. Она позволит снять остроту многих проблем в отношениях между двумя частями современного мира, но она не устранил эти проблемы полностью.

Подчеркнем: речь не идет о том, чтобы просто «подтянуть» отставший глобальный Юг до уровня продвинутого глобального Севера или, говоря словами Фрэнсиса Фукуямы, перетящить развивающиеся страны из «исторического мира» в «пост-исторический» мир. Это невозможно уже по той причине, что превратить нынешний «золотой миллиард» в «золотые восемь миллиардов», то есть распространить стандарты потребления западного среднего класса на все человечество, означает создать запредельную нагрузку на экологическую систему планеты, обрекая ее на необратимую деградацию.

Это невозможно также и потому, что либеральная модель давно уже не работает так эффективно, как когда-то. Север шаг за шагом теряет былую монополию на «модерность», а потому и все меньше рассматривается Югом как безусловный пример для подражания. Если когда-то на Юге много спорили о возможных траекториях модернизационного процесса, но конечная цель не подвергалась сомнению (встать в один ряд с «развитыми» странами Севера), то теперь споры идут уже относительно конечной цели, которая не кажется столь очевидной и безальтернативной, как раньше.

Кроме того, географическая граница между Севером и Югом становится все более условной. Север все больше проникает на Юг, через мегаполисы Южной Азии, Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки, через новые сектора экономики и новые модели потребления. Юг просачивается на Север в виде миграционных потоков, новых стилей жизни, своих религий и культур. Отгородиться ни Северу от Юга, ни Югу от Севера не удастся, что бы там ни говорили о конце глобализации или о возвращении к традиционным ценностям. Если человечество не сможет договориться о цивилизационном синтезе, нас всех ждут большие неприятности.

Разворачивающийся на наших глазах системный кризис, среди многого прочего, наглядно продемонстрировал, что уповать на некие автоматические механизмы, ведущие к синтезу Севера и Юга, было бы безответственным легкомыслием. Ни продолжающаяся глобализация, ни наметившаяся регионализация мировой экономики, ни «невидимая рука» рынка, ни «видимые руки» ведущих государственных игроков мировой экономики и политики по отдельности недостаточны для решения этой цивилизационной задачи — возможно, одной из самых сложных задач, с которыми человечеству приходилось сталкиваться. Решение задачи возможно лишь в контексте восхождения человеческого социума на новый уровень глобального управления. Как бы утопично ни звучала данная сентенция, другого пути просто нет.

Российский совет по международным делам

Российский совет по международным делам (РСМД) — некоммерческая организация, ориентированная на выработку практических рекомендаций российским организациям, министерствам и ведомствам, задействованным во внешнеполитической деятельности.

РСМД объединяет усилия экспертного сообщества, органов государственной власти, бизнес-кругов и гражданского общества с целью повышения эффективности внешней политики России.

Наряду с аналитической работой РСМД ведет активную образовательную деятельность с целью сформировать устойчивое сообщество молодых профессионалов в области внешней политики и дипломатии.

Совет выступает в качестве активного участника публичной дипломатии, представляя на международных площадках российское видение в решении ключевых проблем глобального развития.

Членами РСМД являются ведущие представители внешнеполитического сообщества России: дипломаты, бизнесмены, ученые, общественные деятели и журналисты.

Президент РСМД, член-корреспондент РАН Игорь Иванов занимал пост министра иностранных дел РФ в 1998–2004 гг. и секретаря Совета Безопасности РФ в 2004–2007 гг.

Генеральным директором Совета является Андрей КОРТУНОВ. В 1995–1997 гг. Андрей КОРТУНОВ занимал должность заместителя директора Института США и Канады РАН.

Российский совет по международным делам

КРИЗИС МИРОПОРЯДКА И ГЛОБАЛЬНЫЙ ЮГ

Доклад № 59/2020

Верстка — О.В. Устинкова

Источник фото на обложке:
REUTERS/Muhammad Hamed/Pixstream

Формат 70×100 ¹/₁₆. Печать офсетная.

Тираж 350 экз.

Российский совет
по международным
делам

Тел.: +7 (495) 225 6283
Факс: +7 (495) 225 6284
welcome@russiancouncil.ru

119049, Москва,
4-й Добрынинский переулок, дом 8

russiancouncil.ru